

СТЕЙНБЕК В СССР: ТРИУМФ, «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» И ЗАБВЕНИЕ (1961–1968)

© 2023 Л. И. Казакова (Жданова)

STEINBECK IN THE USSR: TRIUMPH, “RENEGATION”, AND OBLIVION, 1961–1968

© 2023 Leah I. Kazakova (Zhdanova)

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_5_177_295

Информация об авторе:

Лия Искандеровна Казакова, канд. филологических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Ключевые слова: советско-американские литературные связи, Джон Стейнбек, «Зима тревоги нашей», «оттепель», Е.А. Евтушенко, война во Вьетнаме, «Письма к Алисии», литературная критика, литературная репутация, рецепция.

Аннотация: В статье рассматриваются взаимоотношения Стейнбека и СССР в 1960-е гг. Десятилетие подразделяется на два периода – 1961–1965 и 1966–1968. На последние «оттепельные» годы (1961–1965) пришелся второй пик славы Стейнбека в СССР, связанный с выходом его нового романа «Зима тревоги нашей» (1961), получением Нобелевской премии (1962) и третьим приездом писателя в Советский Союз (1963). Большое внимание в статье уделяется рецепции романа «Зима тревоги нашей» в СССР, который пользовался в Советском Союзе большим успехом и отвечал насущным чаяниям советской интеллигенции. Тре-

Information about the author:

Leah I. Kazakova, PhD in Philology, independent researcher, Novosibirsk, Russia. E-mail: cammomilla@mail.ru.

Keywords: Soviet-American literary connections, John Steinbeck, *The Winter of Our Discontent*, Khrushchov Thaw, Evgeny Evtushenko, Vietnam War, *Letters to Alicia*, literary criticism, literary reputation, reception.

Abstract: The paper examines the John Steinbeck's Soviet contacts in the 1960s. The decade is divided into two periods: 1961–1965 and 1966–1968. The last years of the Khrushchov Thaw (1961–1965) saw the second peak of Steinbeck's fame in the USSR: he published his last novel *The Winter of Our Discontent* (1961), won Nobel Prize (1962) and visited the Soviet Union for the third time (1963). The paper pays much attention to the reception of the novel *The Winter of Our Discontent* in the USSR, which was a great success in the Soviet Union and met the urgent aspirations of the Soviet intelligentsia. Steinbeck's third visit to the USSR was initiated by the Union of Soviet Writers and the State

тий визит Стейнбека в СССР был инициирован Союзом советских писателей и Госдепартаментом по личной просьбе Дж. Ф. Кеннеди. Стейнбек возлагал на эту поездку большие надежды, т.к. был наслышан о происходящей в стране «оттепели» и о появлении в СССР нового поколения молодых поэтов и писателей. Однако оттепель была уже на исходе, и Стейнбек, хотя и воспользовался возможностью познакомиться и тесно пообщаться с советскими диссидентами и поэтами-шестидесятниками (Е. Евтушенко, В. Аксенов, Б. Ахмадулина, В. Некрасов и др.), уехал из СССР, не изменив о нем своего мнения об СССР как о стране несвободы. Как показывают публикации советской прессы тех лет, в первой половине 1960-х гг. Стейнбек продолжал оставаться дружественным СССР автором до 1966 г., когда участие Стейнбека во вьетнамской войне полностью дискредитировало его в глазах советской общественности. В статье рассматриваются два показательных эпизода: публичная переписка американского писателя с Евгением Евтушенко на страницах «Литературной газеты» и «Newsday» (1966), и реакция советской прессы на публикацию «Писем к Алисии» непосредственно из Вьетнама, после которой Стейнбек в СССР была предан анафеме и подвергнут «бойкоту», длившемуся более 15 лет – до рубежа 1970–1980-х гг.

Department of the USA at the personal request of J.F. Kennedy. Steinbeck had high hopes for this trip: he had heard a lot about the Thaw and a new generation of young Soviet poets and writers. However, the thaw was coming to an end, and Steinbeck, although he had a chance to meet and talk with Soviet dissidents and young poets of the sixties – E. Evtushenko, V. Aksenov, B. Akhmadulina, V. Nekrasov, etc., didn't change his opinion about the USSR as a country of unfreedom. Soviet literary criticism in the first half of the 1960s shows that Steinbeck was praised as a humanist and realist friendly to the USSR until 1966, when Steinbeck's attitude to the Vietnam War completely discredited him in the eyes of the Soviet public. The paper examines two key episodes: the public correspondence of Steinbeck and Evgeny Evtushenko in *Literaturnaya Gazeta* and *Newsday* (1966), and the reaction of the Soviet press to the publication of Steinbeck's *Letters to Alicia* directly from Vietnam, after which Steinbeck was subjected to a boycott that lasted over 15 years, until the turn of the 1970s and 1980s.

Хронологические рамки данной статьи охватывают два периода. Во-первых, окончание «оттепели», на которое пришелся второй зенит славы Стейнбека в СССР, связанный с получением им Нобелевской премии, выходом его нового романа «Зима тревоги нашей», продолжавшего реалистические традиции «Гроздьев гнева», и третьим приездом писателя в рамках культурного обмена в Советский Союз. Рассмотрению этого периода (1961–1965) посвящена первая часть статьи.

Второй период, которому посвящена вторая часть (1966–1968), носит прямо противоположный характер: участие Стейнбека во вьетнамской кампании полностью дискредитировало писателя в глазах советской общественности и привело к «бойкоту», длившемуся более 15 лет – до рubeжа 1970–1980-х гг.

«Оттепель» в отношениях Стейнбека и СССР (1961–1965)

«*Зима тревоги нашей*» (1961/1962). В 1961 г. в издательстве «Викинг Пресс» (Viking Press) был опубликован последний роман Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей» (“The Winter of Our Discontent”)¹. В этом произведении писатель вновь целиком обратился к современности и поднял проблему, занимавшую его на протяжении последних лет – «аморальность» американской жизни, которая, по его мнению, давно воспринимается не как недостаток, но как негласно постулируемое в обществе достоинство².

На эту книгу Стейнбек возлагал большие надежды³, которые отчасти оправдались: так, при присуждении Нобелевской премии секретарь Шведской академии Андерс Остерлинг заявил, что именно роман «Зима тревоги нашей» заставил комитет почувствовать, что Стейнбек «снова обрел свою позицию – независимого и правдивого писателя, с безошибочным чутьем ко всему подлинно аме-

¹ Этот роман стал последним оконченным произведением Стейнбека, напечатанным при жизни писателя: незавершенный роман «Деяния короля Артура и его благородных рыцарей» (“The Acts of King Arthur and His Noble Knights”, 1959) был опубликован после его смерти в 1976 г.

² Об этом он говорит, к примеру, в интервью газете “Die Welt”: «На вопрос, какова тема романа, писатель ответил: “Аморальность”. По определению Стейнбека, пишет корреспондент, этот термин означает примерно следующее: стремление получить от жизни больше, чем желание дать ей» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4101. Л. 6.), а также в ряде своих писем конца 1950-х гг., например, письмах Адлау Стивенсону и Дагу Хаммаршельду (Steinbeck: A Life in Letters / eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975. P. 651–653).

³ В письме Паскалю Ковичи (июль 1960) он говорил применительно к роману «Зима тревоги нашей»: «Роман — это крупное художественное произведение, имеющее свою форму, свое направление, свой ритм и свою цель. В худшем случае роман должен развлекать читателей, будет лучше, если он сумеет воздействовать на их чувства, но лучше всего, если он станет озарять им путь. Я не знаю, сумеет ли мой роман выполнить хотя бы одну из этих задач, но его цель относится к третьему пункту». (Steinbeck: A Life in Letters. P. 676–677).

риканскому – и хорошему, и плохому <...> вернулся к высокому уровню “Гроздьев гнева”»¹.

Тем не менее, американскими критиками этот роман был принят по большей части отрицательно. Как пишет биограф писателя Дж. Бенсон, даже в самых благосклонных к роману Стейнбека рецензиях, например, статье журнала “Atlantic Monthly”², в заслугу писателю ставилась «не его творческая эволюция как автора, проявившаяся в использовании новых интересных техник для диагностирования текущей нравственной болезни, но то, что эта книга напоминала собой “Гроздьев гнева”»³. О речи А. Остерлинга один из известнейших американских журналов “Newsweek” отозвался следующим образом:

Он (А. Остерлинг. – Л.К.) упустил сказать, что в его собственной стране критики едва ли увидели в «Зиме тревоги нашей» тот возврат к «высоким стандартам» 1930-х годов, который был отмечен Нобелевским комитетом⁴.

Тем временем в СССР отношение читателей и критиков к этой книге было совсем другим, во многом прямо противоположным. После окончания длительной партийно-правительственной антиамериканской пропагандистской кампании, в результате которой имя Стейнбека, как и других американских авторов, либо поливалось грязью, либо замалчивалось, и на фоне оттепели известие о выходе нового романа Стейнбека «Зима тревоги нашей» было встречено в СССР с большим интересом. Иностранная комиссия Союза советских писателей, как и в случае с другими произведениями писателя, тщательно просматривала и изучала реакцию на появление этой книги на родине Стейнбека⁵. Особенное внимание в своих отчетах советские рецензенты уделили

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4144. Л. 9.

² Автор этой статьи отмечает среди достоинств нового романа Стейнбека следующее: «Джон Стейнбек был рожден, чтобы писать о морском побережье, и он делает это с особым вкусом и любовью. Его диалоги полны жизни, его провокация Этана на преступление весьма изобретательна, и моральный аспект этого романа свидетельствует о возвращении мистера Стейнбека к тому настроению и беспокойству, с которым были написаны “Гроздьев гнева”». (*Weeks E.* “The Winter of Our Discontent” by John Steinbeck. A Review // *The Atlantic Monthly*. 1961. July. P. 122).

³ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography. New York: Viking, 1984. P. 898.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4144. Л. 10.

⁵ См. Обзоры литературной жизни США за 1961 г.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4101. Л. 41–43; Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4102. Л. 1–2.

слабым местам романа, отмеченным американской критикой: например, изначальной слабости и непродуманности фабулы, о которой пишет рецензент “New York Herald Tribune Books” Вирджилия Петерсон¹, или изначально неверному авторскому подходу, из-за которого Стейнбеку не удалось решить поставленные им проблемы, по мнению известного левого журналиста “Saturday Review” Гренвила Хикса².

Параллельно с этим уже в мае 1961 г. в «Литературной газете» появляется первое упоминание о романе «Зима тревоги нашей»³. Первый фрагмент из романа был опубликован в «ЛГ» спустя два месяца 29 июля 1961 г.⁴

Перевод романа был выполнен Н.А. Волжиной и Е.Д. Калашниковой летом 1961 г. В ноябре-декабре в «Иностранной литературе» был поднят вопрос о печати романа на страницах журнала. Редколлегией (в которую входили, в том числе, Б.Г. Гафуров, Т.Л. Мотылева, Е.А. Долматовский, М.И. Рудомино, Л.В. Никулин, В.П. Терешкин и Е.Ф. Трущенко) было принято единогласное решение о публикации.

При этом оценка членами редколлегии романа «Зима тревоги нашей» была самой разной. К примеру, в своем отзыве о романе Л.В. Никулин пишет:

Роман будет иметь успех у читателей, я полагаю, понравится мягкий юмор, некоторая увлекательность сюжета, есть даже некоторая идейная глубина – обличение дельцов вроде директора банка Бейкера. По-моему, надо печатать⁵.

В отличие от своего коллеги, Е.А. Долматовский отметил идейную слабость романа, заявив, что «Зима тревоги нашей» Стейнбека – «не лучшая его книга, но она должна быть напечатана. Вероятно, нам следует вслед дать статью на тему “исповедь среднего американца”»⁶.

Самый обстоятельный отзыв о романе, его содержательном и художественном аспектах оставила Т.Л. Мотылева. В своей заметке она отметила:

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4102. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Стейнбек: делать что-то во имя жизни // Литературная газета. 1961. 25 мая. С. 4.

⁴ Джон Стейнбек: За чашкой чая // Литературная газета. 1961. 29 июля. С. 4.

⁵ РГАЛИ. Ф. 1573. Оп. 3. Ед. хр. 139. Л. 50.

⁶ Там же. Л. 45.

Новый роман Джона Стейнбека – значительное и интересное явление в современной американской литературе. Повествуя о будничной жизни провинциального города, о повседневных невзгодах и психологических переживаниях, приводящих продавца-бакалейщика Итена Хоули к тяжелому внутреннему надлому и конечной катастрофе – Стейнбек ставит под сомнение самые основы (выделено Т.Л. Мотылевой. – Л.К.) «американского образа жизни». <...> Мы читаем о том, как хороший, неиспорченный от природы человек, горячо любящий жену и детей, честно служивший в армии во время войны и привыкший жить согласно велениям совести – жестокою логикой американского буржуазного общества вынужден стать подлецом, стяжателем, доносчиком: на этом пути перед Итенем Хоули могут открыться, и действительно открываются, перспективы богатства и почетной политической карьеры¹.

Рецензент видит достоинство этого произведения не в обобщенно-нравственном, но в узко идеологическом ракурсе – как романа, ниспровергающего «самые основы «американского образа жизни»», капиталистической системы. Подобная оценка романа, встречающаяся и в ряде других рецензий, вызывает в памяти советское прочтение «Гроздьев гнева» исключительно как антикапиталистического романа, утверждающего неизбежный приход мировой пролетарской революции.

Тем не менее, в рецепции обоих романов в Советском Союзе имеется весьма существенное различие. Его прекрасно иллюстрируют две крупные научно-исследовательские работы, вышедшие вскоре после публикации романа «Зима тревоги нашей» в СССР²: статьи Р.Д. Орловой «Деньги против человечности. Заметки о творчестве Джона Стейнбека» (опубл. в качестве послесловия в «Иностранной литературе» (1962. № 3. С. 197–208), а также в отдельном издании романа, вышедшем в Издательстве иностранной литературы в 1962) и И.М. Левидовой «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (опубл. в журнале «Вопросы литературы», 1962. № 8. С. 122-142).

Р.Д. Орлова пишет о Джоне Стейнбеке, как «глубоко противоречивом писателе, противоречивом, как и формировавшая его

¹ Там же. Л. 48.

² Роман «Зима тревоги нашей» был опубликован в первых трех выпусках «Иностранной литературы» (январь–март) за 1962 г. В том же году вышли отдельные версии книги: издание серии «Роман-газета» (вып. № 15) и книжное издание Издательства иностранной литературы.

действительность»¹. Между тем, в его разнородном творчестве она видит сквозную линию, проходящую через все произведения писателя – «деньги против человечности»; эта тема является основой и последнего романа – «старая и не стареющая коллизия американской действительности и американской литературы. Старая и не стареющая тема, лейтмотив творчества Джона Стейнбека»².

И.М. Левидова также считает, что Стейнбек – «это человек единого (разумеется, развивающегося, и не всегда поступательно) взгляда на жизнь»³. Стержень, объединяющий произведения писателя послевоенной поры, исследователь видит в его «раздумьях об индивидуальной моральной ответственности человека в борьбе между добром и злом» Эта «тема ответственности» прямо соотносится со стейнбековской темой «деньги против человечности», обозначенной Р.Д. Орловой.

Оба критика подробно останавливаются на сюжете и на центральной идее – положении человека, не вписывающегося в нормы окружающего мира и совершаемом им выборе в рамках господствующей системы. С точки зрения Р.Д. Орловой, главный герой «все время задает себе вопрос Раскольникова, перекроенный на современный американский лад: могу ли я приспособиться, принять господствующие – волчьи законы?»⁴. И.М. Левидова также пишет, что целью неправдоподобного допущения, положенного автором в основу романа, было стремление раскрыть «трудную судьбу честных и лишенных деляческой «жилки» людей в обществе, где залогом материального процветания является способность наиболее эффективно использовать своих ближних в своих собственных интересах»⁵.

Хотя оба исследователя в своих статьях повторяют, что объектом критики писателя является исключительно американское капиталистическое общество и присущая именно этой системе аморальность, не подлежит сомнению, что ценность этого романа они видят в рассмотрении проблем, важных и актуальных не только для американского, но и для советского общества и акцентируют внимание на этической составляющей романа.

¹ Орлова Р.Д. Деньги против человечности (Заметки о творчестве Джона Стейнбека) // Иностранная литература. 1962. №3. С. 197.

² Там же. С. 198.

³ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека // Вопросы литературы. 1962. №8. С. 124.

⁴ Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 197.

⁵ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека. С. 139.

Эти статьи наглядно демонстрируют, что роман «Зима тревоги нашей», опубликованный в СССР на закате «оттепели», говорил советским читателям, и в первую очередь интеллигенции, об их собственном положении в стране и о непростом поиске компромисса между тем, что представляется верным, нравственным, и что навязывается извне; эта книга была близка их собственным «раздумьям об индивидуальной моральной ответственности человека в борьбе между добром и злом»¹. Об этом поиске и утверждении иных ценностей, отличных от общепринятых, диктуемых окружающим миром, пишет Р.Д. Орлова: «Приказчик бакалейной лавки достигает богатства, но оказывается, что оно ему совсем не нужно, а нужно другое. Нужно вернуться к себе самому, вернуться к человеку»². Эта «вывернутость понятий», о которой говорит Р.Д. Орлова, была присуща не только «буржуазной действительности», но и советской.

Однако выразить подобную точку зрения напрямую советскому исследователю даже в «оттепельное» время по-прежнему не представлялось возможным, в связи с чем обсуждение романа велось исключительно на американском «поле» и с помощью привычных со времен «Гроздьев гнева» (и еще ранее) клише, таких, как «критика буржуазной цивилизации», «аморализм основ капиталистической цивилизации», «обличение капиталистической системы», «бескомпромиссное осуждение буржуазной морали» и др.

В СССР этот роман неслучайно пользовался большим успехом; ощущалась его созвучность духу и настроениям оттепели – прежде всего, в переносе акцента с классовой на нравственную проблематику. «Зима тревоги нашей» была признана романом писателя, «который не может и не хочет отворачиваться от зла и горя, еще наполняющих мир, и неугасимой любовью ко всему живому»³, по-прежнему борющегося за человека против всего, что калечит его тело и душу.

В целом, в 1960-х гг. роман «Зима тревоги нашей» был принят в СССР очень тепло. Е.А. Евтушенко в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» прямо говорит о большом внимании к этой книге культурных слоев СССР тех лет:

¹ Там же. С. 130.

² Орлова Р.Д. Деньги против человечности. С. 208.

³ Левидова И.М. Послевоенные книги Джона Стейнбека. С. 142.

Вся интеллигенция России тогда зачитывалась недавно переведенным романом Стейнбека «Зима тревоги нашей», печатавшимся с продолжениями в журнале «Иностранная литература», у которого было триста-четыреста тысяч подписчиков¹.

Критика писала о том, что новый роман Стейнбека не уступает по художественной силе «Гроздьям гнева». И когда, спустя год, в 1963 г. нобелевский лауреат Джон Стейнбек в рамках культурного обмена приехал в Советский Союз, он был удивлен не только огромными тиражами его книги (300 тыс. экз.), за которые он как автор мог получить лишь установленную законом сумму в 1000 рублей, но и тем, что на сценах нескольких столичных театров вскоре должна была появиться постановка «Зима тревоги нашей»² и готовился показ одноименного телеспектакля, снятый ленинградским режиссером Р.А. Сиротой с И.М. Смоктуновским в главной роли³.

Во время посещения репетиции «Зимы» в МХТ им. Чехова жене Стейнбека Элейн показалось, что «они (русские – Л.К.) направили содержание книги Джона в русло марксистского толкования американской истории. Она попыталась донести свой протест до постановщиков пьесы, что, в свою очередь, повлекло за собой долгую дискуссию – весьма

¹ *Евтушенко Е.А.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева» // Огонек. 2002. № 32. С. 51.

² Увидев случайным образом на афише МХТ свое имя и объявление о том, что в настоящее время идут репетиции к спектаклю «Зима тревоги нашей», Стейнбек был ошарашен. По словам его биографа Дж. Бенсона, «Стейнбек объяснил, что такой пьесы не существует, но они сказали, что сделали ее. “Вы хотите сказать, — взревел Джон, — что ваши сукины дети не только украли мою книгу, но украли мою книгу и сделали пьесу из нее?”» (*Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer.* P. 931).

^B письме Элизабет Отис он сообщает об этом инциденте в более примирительном ироническом тоне: «Сообщи Анни Лори, что сценическая версия «Зимы» уже ставится на подмостках Московского художественного театра. Было бы забавно перевести ее и попробовать ее в Нью-Йорке. Вот было бы надувательство, не так ли?» (*Steinbeck: A Life in Letters.* P. 780–781).

³ По сообщению газеты «Правда»: «Премьера телевизионного фильма «Зима тревоги нашей», созданного местной студией, собрал у экранов весь театральный Ленинград. Накануне премьеры фильм был как бы авторизован самим Джоном Стейнбеком, который после просмотра фрагментов заявил, что ему очень понравилась игра артистов. В новом телевизионном фильме снимались ведущие актеры ленинградских театров». (Новости культурной жизни // Правда. 1963. 15 ноября. С. 4).

странную в этих условиях – о значении “Зимы...”¹. Эта ремарка о состоявшейся долгой дискуссии между труппой МХТа и американским писателем представляется весьма интересной еще и потому, что говорит о желании и готовности актеров, изображавших в спектакле МХТ персонажей Стейнбека – американцев, но отчасти и самих себя, отстоять свое понимание этой книги здесь, в СССР, даже против мнения ее автора, что тоже ярко свидетельствует об «оттепельном» настроении эпохи.

В этих обстоятельствах представляется еще более примечательной запись, сделанная Стейнбеком в первые дни его приезда в Москву в письме Элизабет Отис: «Я спросил у одного из писателей, почему “Зима...” так здесь популярна, и он ответил, что, возможно, это потому, что проблема эта здесь не безызвестна»². Возможно, именно эта «небезызвестность» «здесь», в СССР, проблемы нравственного выбора между благополучием и честностью, между жизнью «как у всех» и жизнью по совести, и стала причиной столь радушного приема книги «Зима тревоги нашей» в Советском Союзе.

Таким образом, как и в случае с повестью «Луна зашла», последний роман Стейнбека, цель которого была призвать американских читателей «посмотреть вокруг себя и заглянуть в собственную душу, так как в этом романе рассказано о том, что происходит сегодня почти во всей Америке»³, оказался понят и принят гражданами совсем другой – советской – страны, для которых эта книга оказалась сродни веянию свежего ветра, пробившегося из-за железного занавеса, «соприкосновению с чем-то чистым, нетронутым, неоскверненным»⁴, а также зеркалом, в отражении которого они увидели не только проблемы лонг-айлендского бакалейщика и его семьи, но свою собственную жизнь.

Приезд в СССР (осень 1963)

В октябре 1963 г. Джон Стейнбек, будучи уже не только всемирно известным писателем, но и лауреатом Нобелевской премии, в третий раз посетил Советский Союз. На этот раз в страну Советов он приехал

¹ Benson J. J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 931

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

³ *Стейнбек Дж. Зима тревоги нашей* // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Правда, 1989. С. 4.

⁴ Там же. С. 44.

в рамках программы культурного обмена, инициированного американским Госдепартаментом (по предложению президента Дж.Ф. Кеннеди) и Союзом советских писателей, и вместе с женой Элейн и драматургом Эдвардом Олби в течение почти тридцатидневного пребывания (с 15 октября по 14 ноября 1963 г.) посетил Москву, Киев, Ереван, Тбилиси, Ленинград.

Непосредственно перед поездкой известный теле- и радиожурналист Эдвард Р. Марроу¹, в то время директор Информационного агентства США, рассказал Стейнбеку о своих собственных впечатлениях в Советском Союзе и посоветовал писателю не быть слишком вежливым, но вместо этого «поднять столько шума, сколько это будет возможно», поскольку, с точки зрения журналиста, советский народ склонен симпатизировать людям, откровенно высказывающим свое мнение².

Для самого Стейнбека это был также не первый опыт знакомства с СССР, и, с его слов, предыдущие два приезда в СССР в 1936 и 1947 гг. не оставили у него хороших впечатлений³. Так, в последовавшем после возвращения Стейнбека и Олби на родину интервью «Голосу Америки» 20 января 1964 г. Стейнбек рассказал о своих впечатлениях от этой и других поездок:

Моя первая поездка в СССР совпала с тяжелым периодом расправы Сталина с военными руководителями – расстрел Тухачевского и др. В 1947 году я наблюдал там второй период сталинского безумия. В то время беседа с иностранцами без разрешения МИДа считалась преступлением⁴.

Тем не менее, в 1963 г. Стейнбек ждал новой поездки в Советский Союз с большим нетерпением. В письме Лесли Брэди, атташе по культуре в посольстве США (13 мая 1963 г.), он пишет:

И все же я хочу ехать. Я должен ехать. Хотя бы потому, что теперь молодые советские писатели, экспериментаторы не так запуганы, как ранее. И это только одно из многих изменений, происшедших в этой стране с 1947 г.

¹ Эдвард Р. Марроу (Edward R. “Ed” Murrow, 1908–1965) — один из основоположников американского теле- и радиовещания. Получил известность благодаря репортажам из Лондона во время Второй мировой войны, также один из активных участников борьбы за свободу слова и мысли во время маккартизма.

² Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer*. P. 926.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 21.

Другое – это перестройка сознания и появление нового поколения, которое не помнит ни войну, ни тяжелый гнет Сталина. Так что ради себя самого, я должен ехать¹.

В заявке Стейнбека, направленной американской стороной в Союз советских писателей, целью его поездки значилось «знакомство с советской культурой, литературой, искусством; встречи с писателями, творческой интеллигенцией, молодежью»². В данном случае позиция Стейнбека и американских властей полностью совпала в своем стремлении

прорвать советский информационный блок, посеять там столько правды о Западе, сколько это будет возможно, и показать, что американцы не монстры, что они не только заняты добыванием денег, но и проявляют большое внимание к искусству и, более того, вольны сколько угодно критиковать свое государство и правительство – даже за границей³.

В 1963 г. отношение к программе культурных обменов советской стороны было вполне определенным: все прибывавшие в СССР американские писатели (непреренно прогрессивного толка) являли собой потенциальных ретрансляторов на Западе «настоящей» советской жизни, в которой царит мир и благоденствие, люди довольны своим государством и свободны в речах и поступках. С этой целью пребывание иностранных писателей в СССР было четко урегулировано и находилось в полном ведомстве ответственных лиц с советской стороны: от предоставления писателям не отходящего от них ни на шаг переводчика до организации всех звеньев программы, включая завтраки, обеды и ужины в компании проверенных людей со стойкой партийной позицией.

Для Стейнбека также была составлена подобная программа, учитывавшая пожелания самого писателя, предварительно высказанные им в памятной записке госдепартамента и переданные затем через 2-го секретаря американского посольства Питера Бриджеса. К примеру, первый день писателя, проведенный в Москве, должен был включать:

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 769.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 1.

³ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 940.

10:30–12:00 – визит в Посольство США.

12:00–13:00 – общее обсуждение программы в Секретариате Правления СП СССР (Чаковский, Межелайтис, Абдумомунов, Чугунов, Романова).

13:00–14:30 – обед писателя в ЦДЛ (Чаковский, Романова).

15:00–17:00 – прогулку в машине по городу и отдых¹.

Однако уже на первом этапе приезда Стейнбека советская сторона была вынуждена пойти на некоторые уступки писателю. В первую очередь это касается приезда вместе со Стейнбеком жены писателя – Элейн (что не соответствовало высказанному секретарем Правления Союза писателей СССР А. Сурковым в начале 1963 г. пожеланию о приезде американских писателей без жен)² и малоизвестного в СССР драматурга Эдварда Олби. Олби принадлежал к другому поколению, и благодаря этому, а также своему не столь высокому статусу в советской среде, имел больше возможностей для общения со своими сверстниками – советскими писателями-диссидентами.

Кроме того, уже в первые дни визита Стейнбека назрел конфликт, который мог поставить под угрозу всю программу пребывания писателя в СССР: автор «Гроздьев гнева» изъявил желание, чтобы американский дипломат П. Бриджес сопровождал его в его поездке не только по российской и украинской части Советского Союза, но и на юг страны – в Грузию и Армению, что было невозможно без долгого предварительного согласования. Как позднее писал об этом в своих воспоминаниях П. Бриджес, это произошло потому, что «в 1948 году (он ошибочно упоминает 1948 год, хотя предыдущий визит Стейнбека состоялся в 1947 году. – Л.К.) в СССР его использовали, и он не хотел, чтобы это повторилось вновь»³; он надеялся, что присутствие русскоговорящего человека из американского посольства сможет в какой-то мере обезопасить его от этого. Поэтому 21 ноября на встрече в Иностранной комиссии Союза советских писателей Стейнбек заявил, что если ему не пойдет навстречу, то он откажется от этой части программы:

Если представителю моего государства не доверяют, то нет никаких оснований доверять мне, поскольку я тоже являюсь представителем своего государства, и даже, если хотите, в известной мере Государственного департамента,

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 3.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 148. Л. 22.

³ *Bridges P. A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union // Steinbeck Review. 2007. Spring. Vol. 4. No 1. P. 82.*

поскольку я совершаю эту поездку по официальному соглашению, подписанному Госдепартаментом. К тому же такие случаи постоянно имеют место у меня на родине, и я всегда встаю против этого. Я не намерен изменять своим правилам, где бы то ни было. Можете считать мою поездку на юг отмененной в случае, если Питеру Бриджесу будет в ней отказано¹.

В записи этой беседы отмечено, что данное заявление было сделано «очень решительно, в ультимативной форме»².

Необходимо понимать, что сама постановка такого рода вопроса была из ряда вон выходящей – как для ситуации 1963 г., так и 1947 г. В прошлый приезд во время путешествия Стейнбека и Капы по СССР не смогли состояться очень многие запланированные американцами мероприятия. В 1963 г. П. Бриджесу в итоге была предоставлена возможность выехать вместе со Стейнбеком в упомянутые города, и это, в общем-то, оправдало надежды Стейнбека на то, что его будут «меньше использовать» в этой поездке: так, как пишет Дж. Бенсон, когда при переводе ответов Стейнбека его собеседникам переводчица писателя – Фрида Лурье – опускала какие-то его фразы, Бриджес ее поправлял и просил осуществить перевод фразы Стейнбека до конца; также он самостоятельно доводил до сведения Стейнбека все опущенные переводчицей нюансы значений русских слов³.

Впечатления писателя от пребывания в Советском Союзе во время этой поездки также были далеко неоднозначными. В первые дни своего приезда Стейнбек, вглядываясь в ряды отстроенных домов, обилие парков и более приветливые, спокойные лица людей на московских улицах, замечает в этом приметы «оттепели». На третий день своего пребывания в Москве он пишет литературному агенту Элизабет Отис: «Должен сказать тебе, что оттепель здесь очень явственна. Ты можешь почувствовать ее везде. Я теперь здесь снова за своего. Все вернулось к исходной точке»⁴.

Примером такого поворота к «оттепели» является обед, организованный для Стейнбека Ильей Эренбургом, на котором также присутствовали диссиденты Р.Д. Орлова и Л.З. Копелев. Об этой встрече Стейнбек впоследствии писал Э. Отис:

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4178. Л. 7–8.

² Там же. Л. 8.

³ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 929.

⁴ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

Прекрасный обед и много хороших разговоров. Здесь даже не стоит вопроса, есть ли оттепель на самом деле, люди – по крайней мере, интеллектуалы – говорят свободно почти на все возможные темы, хотя, конечно, не имея опыта жизни во внешнем мире, они довольно ограничены в каких-то своих оценках¹.

Однако, по воспоминаниям писателя-шестидесятника Анатолия Гладилина, в 1963 г. ко времени приезда Стейнбека в СССР, эпоха либерализма уже подошла к концу, хотя советские писатели не были ни арестованы, ни высланы за границу и еще надеялись на какие-то изменения. Сам Стейнбек, чем дольше длилось его пребывание в Советском Союзе, все отчетливее ощущал привкус искусственности, сквозящий в речах людей, без конца поднимавших бокалы за «советскую власть» и следивших за реакцией американского гостя. К примеру, близко общавшийся с писателем во время его приезда в 1963 г. Евгений Евтушенко замечает, что «в поведении Стейнбека под шумной внешне раскованностью чувствовалась некоторая недоверчивая настороженность к проявлению восторженных чувств по отношению к нему – он подозревал в этом некую “организованность энтузиазма”»².

И, чем дольше длилась программа визита Стейнбека в СССР, тем чаще он имел возможность увидеть другую сторону советской жизни, тем сильнее в нем рос скепсис по отношению к политике, действующей в стране Советов власти. Примером тому могут служить встречи Стейнбека с сотрудниками газеты «Известия», украинскими писателями, авторами журнала «Юность» и др. – на всех мероприятиях американский писатель пытался пообщаться с рядовыми сотрудниками, в первую очередь молодыми людьми, в которых видел возможность иного взгляда на СССР, на жизнь, однако в силу разных причин встречал в них покорное молчание и был вынужден вести фактически диалог с их председателями (А.И. Аджубеем, А.Е. Корнейчуком, Б.Н. Полевым).

Встреча Стейнбека с советскими писателями в редакции «Юности». Одним из самых показательных примеров подобных взаимоотношений советских писателей и Стейнбека служит эпизод, произошедший во время встречи Стейнбека с молодыми авторами журнала «Юность». Стейнбек лично настаивал на этой встрече, будучи наслышанным о ряде молодых советских поэтов и писателей, чье творчество

¹ Ibid. 781.

² *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

характеризовалось свежим, современным взглядом на жизнь, во многом дерзким и независимым от установки властей.

Джексон Дж. Бенсон, биограф писателя, пишет, что Стейнбека в редакции «Юности» встретил главный редактор журнала Б.Н. Полевой. Он представил писателя группе постоянных сотрудников издания, включая В.П. Аксенова, В.С. Розова, Е.А. Евтушенко, А.Т. Гладилина, Б.А. Ахмадулину и др. Как только они сели за «стол переговоров», Стейнбек попытался (как он позднее напишет об этом в записях, сделанных во время поездки) вовлечь их в разговор о бунте и тех нововведениях, которыми характеризовалось творчество молодых писателей. Однако, как отмечает его биограф,

никто не говорил много, и он заметил, что присутствие Полевого действовало на них угнетающе. Наконец, Белла Ахмадулина сказала с каким-то сарказмом, что на самом деле все не так просто и, что бы Стейнбек ни подумал из их молчания, ее товарищи – люди храбрые и бесстрашные¹.

С советской стороны Анатолий Гладилин рассказывает, что перед той встречей Полевой по очереди вызывал к себе писателей и просил их быть осторожными, потому что Стейнбека непременно будет сопровождать человек из посольства, и если они не хотят закрытия журнала, то ради него, Полевого, пусть сдерживаются, не обращают внимания на провокационные вопросы, которые, несомненно, будут. В итоге все авторы дали главному редактору обещание «сдерживаться» и на протяжении всей встречи были связаны им. Гладилин по этому поводу пишет: «Мы знали, что создаем впечатление идиотов, но мы не могли пойти на поводу у этих издевок. Мы были не вправе подвести журнал, мы дали слово»².

Евгений Евтушенко в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» также описывает всю трагикомичность создавшегося положения. По его словам, Стейнбек около часа

ругал в хвост и в гриву собственное правительство, американское общество, прессу, а потом, наконец, остановился, перевел дух, вытер вспотевший лоб платком и подбадривающе подмигнул нам:

– Ну, я выложил вам то, что мне не нравится в моей стране. Теперь ваш черед – что вам не нравится в вашей? А ну, волчата, покажите зубы!

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 941.

² В своей книге Дж. Бенсон приводит адресованное ему письмо А. Гладилина с воспоминаниями об этом случае (Ibid. P. 942).

А волчата, то есть мы, смущенно переглядывались, краснели, пыхтели, нелепо улыбались, но никаких зубов не показывали, как будто, потеряв молочные, не отрасли новых...¹.

В своих воспоминаниях все авторы отводят особое место ответу, который дала Стейнбеку молодая Белла Ахмадулина. А. Гладилин пишет, что посреди затянувшегося молчания Ахмадулина встала и от своего имени объяснила Стейнбеку, что есть разница между ним и нами:

он может говорить все, что угодно, а мы этого не можем себе позволить, и что если господин Стейнбек этого не понимает, то это его недостаток воспитания или образования. И он это понял. И совсем по-другому посмотрел на нее и на нас².

Евтушенко также сообщает любопытные детали этого разговора. По его словам, Стейнбек сам остановил свой взгляд на девушке, бывшей явно не в лучшем расположении духа, и поинтересовался, в чем причина ее грусти, если ей все нравится в «вашей самой замечательной, самой безукоризненной, самой уникальной стране без малейшего, даже очаровательного, недостатка?». На это незамедлительно последовал ответ Ахмадулиной: «У меня права отобрали, мистер Стейнбек, – поэтому я такая грустная». Хотя переводчица перевела слово «права» буквально (*driver's license*), представитель американского посольства тут же объяснил писателю, что русское выражение «отобрать права» имеет и другой смысл – «отнять права человека (*human rights*)»³.

Сама же Ахмадулина в своих воспоминаниях акцентирует внимание не на политической подоплеке этого события, а именно на воспоминании, воссоздании личного прошлого писателей-шестидесятников, для которых встреча с классиком американской литературы стала важной частью общей истории их поколения. В ахмадулинском портрете Стейнбека в первую очередь проступает ее собственное отношение к нему, ее восхищение писателем («Я восхищалась им. <...> Стейнбек говорил так умно, так смешно. Большое впечатление на меня произвел»⁴) и некоторое отчуждение. Касательно самой встречи она со-

¹ *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

² *Гладилин А.* Памяти Беллы // Российская газета. 2010. 29 ноября. С. 9.

³ *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 51.

⁴ *Мессерер Б.* Промельк Беллы // Октябрь. 2013. № 8. С. 129.

общает, что в тот день она действительно лишилась прав и потому на встречу с писателем опоздала. По мнению поэтессы, Стейнбек мгновенно оценил ее ответ, «понял, что не все так просто, что молодые волки, которые должны быть яростными, смелыми, неугодливыми, вовсе не свободны и права у них – только автомобильные...»¹.

Позднее об этом эпизоде Евтушенко вспомнит в открытом стихотворном письме Стейнбеку, написанного по случаю поддержки последним войны во Вьетнаме (1966)².

Важно отметить, что эта встреча оказала столь серьезное воздействие на каждого из ее участников, что редактор журнала Борис Полевой спустя год направил Стейнбеку письмо, в котором сообщил, что после их «весьма “вежливой” беседы ребята и девушки из журнала “Юность” окружили меня в некотором замешательстве и упросили передать Вам их извинения и сожаления за то, что события сложились таким образом»³. В том же письме Полевой объяснил причину скованности молодых писателей – присутствие дипломата, который, хотя «был хорошим и приветливым человеком, все равно оставался дипломатом»⁴. В конце письма Полевой выразил надежду, что Стейнбек вновь вернется с визитом в СССР, и тогда они вновь увидятся и на этот раз – без третьих лиц.

Сохранился официальный отчет об этой встрече, предназначенный для ЦК КПСС и выполненный присутствовавшей на этом мероприятии референтом Иностранной комиссии Союза советских писателей, переводчицей Стейнбека, Ф.А. Лурье. В своем отчете о пребывании американского писателя в СССР она отметила, что «контакт с аудиторией у Стейнбека <...> не установился»⁵, поскольку в ответ на провокативные выпады Стейнбека, члены редколлегии журнала «Юность» (среди которых она называет критика Л. Лазарева, писателей В. Аксенова, А. Гладилина, Б. Ахмадулину) «выступили с защитой морально-этических принципов советской литературы»⁶.

Встреча в редакции журнала «Юность» продемонстрировала особенности положения советских писателей-шестидесятников, их общей «юности» на фоне уходящей хрущевской «оттепели». С другой сторо-

¹ Там же.

² *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи // Литературная газета. 1966. 7 июля. С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 9.

⁴ Там же.

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 35.

⁶ Там же.

ны, эта встреча стала важной частью «советского опыта» Стейнбека, яркой страницей в истории его взаимоотношений с СССР.

В своих отчетах по окончании поездки в СССР Стейнбек выделял молодую советскую интеллигенцию, которая «нашла в себе мужество встать против указаний Кремля»¹. Путешествовавший вместе со Стейнбеком драматург Эдвард Олби в интервью газете “New York Times” так описал настроение молодых авторов:

Эти писатели едко подшучивают над консерваторами, своими оппонентами в среде советских писателей, но, когда беседа грозит затронуть трудности их жизни, они попросту улыбаются или укрываются за иронией. Они не в состоянии депрессии, они не оптимистичны – они ироничны. <...> Я не могу не повторить это слово «ироничны»².

Встреча Стейнбека с В. Некрасовым в Киеве. Подобная история еще до встречи в редакции «Юности» произошла и с другим советским писателем-диссидентом, находившимся в то время в опале – В.П. Некрасовым. Как сообщал в своих воспоминаниях о Некрасове писатель Г.И. Кипнис, 1963 г. – время приезда Стейнбека в СССР –

был тяжелым для Виктора Платоновича: в январе появилась в «Известиях» недоброй памяти реплика «Турист с тросточкой», в марте – яростные нападки из Москвы лично главы государства, самого Никиты Сергеевича, в апреле в здании Верховного Совета Украины состоялся республиканский актив, на котором Некрасову угрожал первый секретарь ЦК Подгорный, а как раз в дни, когда у нас находился Стейнбек, автора «В окопах Сталинграда» про-рабатывали на уровне киевского горкома и Ленинского райкома партии³.

В официальную «свиту», состоявшую из «больших и малых» украинских писателей, окружавшую Стейнбека во время его приезда в Киев, Некрасова, конечно, не включили. Но Стейнбек, по словам А.Г. Полянкера, еще в США ознакомившийся с впечатлившим его эссе Некрасова об Америке «По обе стороны океана»⁴, а также получив-

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 7.

² Там же. Л. 16.

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек // Киевские новости. 1994. 22 апреля. С. 8.

⁴ Полянкер А.Г. «Перешедший реку» (Памяти Григория Полянкера). Киев: Адеф-Украина, 2008. <http://www.nekrassov-viktor.com/AboutOfVPN/Nekrasov-Polianker-Grigoriy.aspx>

ший в Москве от Эренбурга напутствие встретиться в Киеве с автором «В окопах Сталинграда», твердо выражал украинским организаторам поездки свое намерение увидеться с Некрасовым и несколько раз получал от них ответ: «вы не можете увидеть его, потому что он болен; вы не можете увидеть его, потому что его нет в городе; вы не можете увидеть его, потому что он находится в середине своей работы над книгой»¹.

Однако памятное свидание двух писателей все-таки состоялось. И, как в случае со встречей Стейнбека с молодыми авторами в редакции «Юности», сохранилось несколько версий произошедшего с советской и американской стороны. Суть их сводилась к одному: во время торжественного приема Стейнбека, проходившего в огромном зале Союза советских писателей под председательством его бывшего главы А.Е. Корнейчука (также принимавшего у себя Стейнбека и Капу в 1947 году) Стейнбек отказался продолжать разговор до тех пор, пока не увидит Некрасова. По словам И.Л. Дегена, у которого в этот день гостил писатель, «в тот вечер в зале царил траурная атмосфера. Более часа хозяева и официальные гости сидели в напряженном состоянии, а “невоспитанный” Стейнбек не желал ни с кем общаться, пока не встретится с Некрасовым»².

Некрасова, который жил в одном доме с Корнейчуком и был, разумеется, в добром здравии и свободен от дел, в результате пришлось искать по всему Киеву. Из дома И.Л. Дегена (куда за писателем буквально через полчаса после его ухода явился чиновник в штатском) Некрасов отправился провожать кого-то в аэродром, а вернувшись домой, был пойман сначала по телефону, а после лично – неким «Игорем» из Союза советских писателей, заведовавшим иностранными гостями, который и доставил его на машине на прием к Стейнбеку. Как рассказывал позднее сам Некрасов,

запахавшийся Игорь сообщил мне, почему-то понизив голос, что в Союзе сейчас принимают Стейнбека и что тот заявил, что не уйдет, пока ему не покажут живого Некрасова. По имеющимся у него сведениям, я арестован. Все в панике, гонцы разосланы во все забегаловки и пивные точки города...³.

¹ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 933.

² Деген И.Л. Портреты учителей. <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/DEGEN/portrety.txt>

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

Некрасов описал картину, увиденную им по прибытии в Союз писателей, следующим образом:

За длинным столом, на том месте, где обычно стоит гроб, расположилось все начальство при всех орденах и регалиях и среди них, посередине, знатный гость – седой, востроглазый, с небольшой бородкой клинышком. Рядом с ним переводчица. На столе батарея бутылок отменных коньяков и всякого рода телятина и белорыбица. Вдоль стен – сидя и стоя – писатели второго сорта. Лица у всех напряженно-усталые – сидят уже третий час. Все, что положено, уже сказано и спрошено, говорить больше нечего. Всеобщее томление. Даже коньяки не лезут в глотку¹.

Жена Стейнбека Элейн, также присутствовавшая на этом приеме, весьма образно описала появление Некрасова в зале Союза писателей:

Все перестали говорить и посмотрели в его сторону. Это был совершенно точно один из самых великолепно выглядящих мужчин, которых я когда-либо видела, очень темный, с крупным шрамом через лицо, очень лихой, чем-то похожий на крестьянина. Мужчина большими шагами пересек комнату, встал перед Джоном. Он хлопнул рукой по столу и сказал: «Некрасов!» И Джон хлопнул рукой поверх его и сказал: «Стейнбек!» И мужчина сказал: «Я слышал, вы искали меня. Я выбрался из подполья, чтобы увидеть вас». Это было нечто².

Вскоре после того, как Стейнбек «заполучил» себе Некрасова, он завершил пресс-конференцию и, покинув смущенное таким поворотом событий начальство Союза писателей, удалился вместе с советским автором в отель «Москва», где за столиком в ресторане проговорил с ним всю ночь.

Эпизод встречи Стейнбека и Некрасова был также задокументирован официальным представителем Союза писателей СССР Ф.А. Лурье. В ее отчете эта встреча была изображена как один из немногих эпизодов, способствовавших формированию у Стейнбека положительного впечатления о советских писателях (возможно, вследствие того, что по настоянию Виктора Некрасова в этом разговоре не принимал участия секретарь американского посольства Питер Бриджес). По словам

¹ Там же.

² *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 933.

Лурье, Стейнбек упорно настаивал на этой встрече и требовал, чтобы она происходила в неофициальной обстановке. Оказавшись после приезда в Союзе писателей Украины в гостинице, Некрасов сразу же спросил Стейнбека, чем был вызван повышенный интерес американского гостя к его особе (ведь книг Некрасова Стейнбек, скорее всего, не читал), и предположил, что, вероятно, «критикой его последних произведений и той шумихой, которую в связи с этой критикой усиленно раздувают на Западе». Стейнбек ответил на это, что «много слышал о Некрасове как о честном писателе и намерен теперь прочесть все его книги, переведенные на английский язык»¹. После дружеской беседы, на которой советский писатель держал себя с большим достоинством, Стейнбек подарил Некрасову свою трубку² и, как сообщает Лурье, в целом, «был глубоко взволнован этой встречей. Он сказал, что такие краткие встречи гораздо важнее и значительнее многословных разговоров на общие темы»³.

Данный эпизод, как и вышеописанная встреча Стейнбека с московскими шестидесятниками наглядно показывают, с одной стороны, сложившееся отношение американского автора к официальным советским властям, близкое к дерзости, связанное с пониманием того, что, как и зачем ему (как и в 1947 г.), будут показывать, и чего он, в свою очередь, как нобелевский лауреат и фактически посланник президента Джона Ф. Кеннеди, может требовать от них. С другой стороны, эта встреча говорит об огромном и настойчивом желании Стейнбека во что бы то ни стало пробиться к настоящим, неангажированным коммунистической идеологией писателям, появление которых он предчувствовал еще в своих письмах 1950-х гг.⁴ и увидел в молодой поросли советских писателей-диссидентов, шестидесятников – Некрасове, Евтушенко, Аксенове, Ахмадулиной и других независимых (в той степени, в какой это было для них возможно) советских авторов.

Освещение советской прессой приезда Стейнбека. В отличие от поездки 1947 г., проходившей в обстановке полной секретности, приезд нобелевского лауреата Стейнбека в 1963 г. освещался советской прес-

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 33.

² В ответ на подарок Стейнбека Некрасов также прислал американскому романисту свою трубку. В приложенной к ней записке он написал: «Я курил эту трубку в годы войны в госпитале, когда у меня была ранена правая рука, и я не мог сворачивать сигарку». (Там же. Л. 34).

³ Там же.

⁴ См. письма Стейнбека 1950 г. и 1958 г. (Steinbeck: A Life in Letters. P. 403, 602).

сой очень широко. Во всех основных периодических изданиях СССР в начале поездки писателя почти каждый день появлялись заметки о посещении автором «Гроздьев гнева» тех или иных мест, разговоры и интервью с ним и описание его встреч с читателями.

Первой о приезде Стейнбека в СССР читателям сообщила газета «Известия», опубликовав интервью, взятое у него в первый день его приезда в Москву. Заметка К. Вишневецкого носила программное название «Нам нужны контакты» и приводила следующие слова писателя:

В Советском Союзе я уже третий раз. Любопытство – вот что меня привело сюда. Когда мне предложили поехать в СССР, так сказать, по линии соглашения о культурном обмене между Советским Союзом и США, я обрадовался. Я сказал себе: пора. Пора туда ехать. Ты давно уже там не был...¹

Вишневецкий рисует положительный образ писателя, описывая его как представительного, серьезного мэтра, тем не менее, не потерявшего былую хватку и живой интерес к современности. В конце заметки он передает прощальные слова Стейнбека, сообщающие о главной цели его пребывания в СССР – все то же наведение «мостов» и разного рода контактов между двумя странами, которое в 1947 г. провозглашал Роберт Капа:

Я хотел бы, чтобы вы передали читателям «Известий» вот что, – говорит Стейнбек, – наибольшую важность сегодня имеют контакты между людьми, правительствами, странами. Когда эти контакты нарушаются – это опасно. Я надеюсь, что контакты между нашими странами будут восстановлены².

Статья «Литературной газеты» также помещает первые оптимистичные слова писателя, только что прибывшего в советскую страну:

Я хотел увидеть эти грандиозные перемены – вот цель моей поездки, – говорит Стейнбек. – Я собираюсь погостить у вас целый месяц. – Лютят осенние дожди? Меня погода не смущает. Главное – люди, а они всегда представляют для меня интерес, в любое время года³.

¹ Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: Нужны контакты... // Известия. 1963. 16 октября. С. 4.

² Там же.

³ Тугужева М. Стейнбек вновь в Москве // Литературная газета. 1963. 17 октября. С. 4.

Возможно, самой известной публикацией, нарисовавшей портрет американского писателя в Москве, стал материал «Известий» того же К. Вишневецкого «Разговаривая со Стейнбеком». В этом интервью был нарисован простой, «свойский» образ писателя, не понаслышке знакомого с трудом, с творческими падениями и неудачами, близко наблюдавшего в 1940-е гг. военные действия союзников и с тех пор ненавидящего войну («и сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война»¹), горячо любящего свою страну и переживающего за ее темные пятна, такие как расовая дискриминация и маккартизм, с удовольствием вдыхающего осенний московский воздух, который напоминает ему «климат моего родного штата» и, наконец, испытывающего не иначе чем благоговение при соприкосновении с памятью своего великого советского собрата по цеху («Я как-то робую, стоять и фотографироваться на балконе, где был великий Горький...»²).

Впоследствии это интервью, напечатанное в крупнейшей советской газете и растиражированное во всех уголках Союза, куда прибывал американский писатель, столь часто упоминалось на встречах с ним, столь часто цитировалось, что Стейнбек, вернувшись в Москву и вновь оказавшись во время встречи с представителями советской и иностранной прессы лицом к лицу с К. Вишневецким, взявшим у него это интервью, не мог не сыронизировать по этому поводу. Так, ответив на вопрос советского журналиста о роли прессы в смягчении международной обстановки, Стейнбек добавил следующее:

Я хочу сказать своему другу из «Известий», что его газету очень широко читают в Советском Союзе. Я встречал читателей газеты «Известия» в Грузии, Армении, на Украине и очень часто в беседах со мной цитировали мое интервью газете «Известия». Я, очевидно, единственный человек в Советском Союзе, который не читал его». Т. Вишневецкий попытался возразить: «Но вы говорили все это», на что Стейнбек ответил: «Я не знаю, потому что я не помню, что я говорил»³.

В целом, можно отметить, что в 1947 г. Стейнбек в своих разговорах с советскими людьми часто прямо высказывал свое мнение

¹ Вишневецкий К. Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4185. Л. 10

о тенденциозности и «шовинизме»¹ советской прессы, ее «“нажмем” на сознание человека и таившемся в ней в силу этого “зле”»² и всякий раз встречал отпор со стороны своих советских собеседников, пытавшихся изменить это его мнение; в 1963 г. он старательно избегал разговоров на эту и другие полемические темы, либо отшучивался. Так, по воспоминаниям Г.И. Кипниса, бравшего у американского писателя интервью от «Литературной газеты» в Киеве, Стейнбек позволил себе такой выпад и в сторону «Литературки», когда советские интервьюер спросил о его главных впечатлениях в СССР на настоящий момент:

Стейнбек остановился и внимательно посмотрел на меня:

– Хотите знать, что поразило меня больше всего?

Он сильно затаился и, стараясь скрыть волнение, произнес:

– «Литературная газета»! То, как она быстро и щедро отразила мое пребывание в Киеве...³

И в конце интервью, когда Кипнис вновь задал приехавший уже американскому писателю вопрос о том, не желает ли он передать что-либо читателям «Литературной газеты», Стейнбек ответил:

– Читателям? – переспросил автор «Зимы тревоги нашей». – Читателям пока нет. А секретариату вашей газеты – мой большой и пламенный привет. – И бросил палку...⁴

Кроме того, в своей мемуарной статье Г.И. Кипнис поднимает важный вопрос: почему в какой-то момент, приблизительно в середине поездки Стейнбека по СССР, после возвращения писателя из Киева и перед его поездкой в южные республики, в советской печати вдруг резко сократилось количество публикаций, освещавших его приезд. Как сообщает Кипнис,

почти вся центральная печать в день приезда выдающегося писателя дружно сообщила об этом факте информацией и фотографией. Было такое впечатле-

¹ ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 118.

² ГАРФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 26. Л. 181.

³ Кипнис Г.И. Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

⁴ Там же.

ние, что интерес к визиту будет нарастать по восходящей, но за исключением, кажется, только «Известий», давших целый четырехполосный «стояк», дело ограничилось небольшими «фитюльками»¹.

Советский автор выдвигает предположение, что, по всей видимости, Стейнбек своим приездом в Москву преследовал самые высокие цели, в том числе намеревался увидеться с Н.С. Хрущевым и поговорить с ним о взаимоотношениях между США и СССР (о своем большом интересе к политике СССР и своей личной симпатии к первому секретарю ЦК КПСС Стейнбек в частности говорит в упомянутом выше интервью «Известиям»²). В Советском Союзе, видимо, тоже в начале его визита приглядывались к писателю, пытались разгадать его намерения. И, как пишет Кипнис,

ничего не получилось. Видимо, не понравился при ближайшем рассмотрении. Слишком своенравный и чересчур вольнодумный, что ли. Так или иначе, но встреча на высшем уровне не состоялась, а газетам спустили команду – перестать широко афишировать писателя, подумаешь. Нобелевский лауреат... Открытых нападок, как у нас делается, не было, но информация о встречах писателя была, по сути, скомкана³.

Взятое Кипнисом интервью писателя в «Литературной газете» также не было опубликовано.

Так или иначе, но после тех бурных приветствий, которыми ознаменовался приезд Стейнбека в Советский Союз, уже начиная где-то со второй недели его пребывания в стране, в «Известиях» и «Литературной газете» вышло всего несколько статей, посвященных Стейнбеку, среди них одно большое интервью Э. Межелайтиса, взятое им в первые дни пребывания нобелевского лауреата в Москве⁴, и несколько небольших заметок информационного характера. Соответственно отъезду писателя из СССР было уделено два коротких абзаца в «Литературной газете», в которых было вкратце сказано о том, что Стейнбек месяц гостил в СССР, посетил различные советские города, встретился с писателя-

¹ Там же.

² *Вишневецкий К.* Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

³ *Кипнис Г.И.* Как приезжал к нам Джон Стейнбек. С. 9.

⁴ *Межелайтис Э.* Познавший «Соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября. С. 4.

ми, побывал в различных издательствах, редакциях газет и журналов¹. И лаконичность этой заметки, пожалуй, является самым красноречивым свидетельством того, насколько успешно была выполнена цель поездки Стейнбека – налаживание контакта «между людьми, правительствами, странами», о которой он заявил в день своего приезда в Москву².

Подведение итогов в Союзе писателей СССР. О серьезных намерениях Джона Стейнбека добиться встречи с первым секретарем ЦК КПСС и гипотетической возможности такого события свидетельствуют архивные документы. Как сообщает в своем отчете референт Иностранной комиссии ССП Ф.А. Лурье, Стейнбек дважды выражал свое пожелание встретиться с Н.С. Хрущевым – на приеме у А.И. Аджубея и в Союзе писателей СССР³. И после половины срока пребывания американского писателя в Советском Союзе 4 ноября 1963 г. Секретарь Правления ССП А.Б. Чаковский направил в ЦК запрос, в котором передавал просьбу Стейнбека об аудиенции у главы советского правительства и просил соответствующих указаний. К письму Чаковского также прилагалась подробная биография писателя, сообщение о переводах его книг в СССР и ходе его текущей поездки по СССР, в которой значительное место было уделено роли секретаря американского посольства Питера Бриджеса, о котором было отдельно сказано, что этот дипломат «использует самые разнообразные методы и приемы для отрицательного влияния на Стейнбека и его супругу, что чрезвычайно осложняет всю работу с ними»⁴.

Уже после окончания визита американского писателя 20 ноября в ЦК был также направлен отчет Иностранной комиссии ССП о пребывании Джона Стейнбека и его супруги в СССР, составленный Ф.А. Лурье. Помимо описания самой поездки – каким образом она была задумана, спланирована, как проходила, в каких городах, контакты с какими советскими людьми включала в себя и т.д. – референт Иностранной комиссии отдельно остановила свое внимание на нескольких важных моментах.

В первую очередь анализу были подвергнуты поведение, характер, художественные вкусы и общественно-политические взгляды писателя,

¹ Отъезд Джона Стейнбека // Литературная газета. 1963. 16 ноября. С. 3.

² Вишневецкий К. Дж. Стейнбек: Нужны контакты... С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 31.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 194. Л. 6.

которые он демонстрировал им во время своего визита в СССР – их действительно можно было бы обозначить словами Г.И. Кипниса: «слишком своенравный и чересчур вольнодумный»¹.

Однако самое большое пристальное внимание референт уделила изображению деятельности Питера Бриджеса, который на официальных основаниях (согласно указанию Госдепартамента по предварительной договоренности с ГККС), сопровождал Стейнбека и его супругу в этой поездке. В своем отчете Лурье описывает этого дипломата как «умного, изворотливого и хитрого противника, не упускавшего ни малейшей возможности для соответственной обработки Стейнбека и его жены и оказания на них враждебного нам влияния»². По словам референта, Бриджес, продемонстрировав «незаурядные способности к психологической обработке порученных ему “подопечных”»³, с первого дня завоевал расположение и дружбу Стейнбеков и использовал это в своих служебных целях: на протяжении поездки дипломат комментировал все происходящее, внося коррективы, высказывал по любому удобному поводу критические соображения, вставлял иронические замечания, обращал внимание американцев на негативные стороны советской жизни и преимущества американской системы, а также организовал свои собственные мероприятия: не значившиеся в программе ССП: поездку на Новодевичье кладбище, встречу без участия официальных лиц с Е.А. Евтушенко и др.

Вывод Ф.А. Лурье касательно этого опыта «сотрудничества» Инокомиссии ССП с представителем американского посольства однозначен:

¹ К примеру, Ф.А. Лурье пишет, что на встречах со своими советскими коллегами Стейнбек затрагивал вопросы, связанные со «свободой творчества», «правом на эксперимент», «конфликтом между поколениями», говорил о «недопустимости вмешательства правительства в творческую жизнь художника» и т.п. Также референт Инокомиссии ССП сообщает: «В ряде случаев Стейнбек поднимал вопросы чисто политического характера, об отношении к Кубе и Фиделю Кастро, — в беседе с писателем К. Симоновым; об отношении к факту существования берлинской стены (на встрече с ленинградскими писателями) и т.п. Беседуя с писателями, Стейнбек многократно говорил об извечной «оппозиции» писателей официальным установлениям, «беспощадной критике недостатков» и т.п.» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Ед. хр. 195. Л. 29–30).

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 36.

Впредь практику «опеки» подобного рода следует решительно отвергать, поскольку американская сторона прибегает к ней с благовидными целями для оказания враждебного нам влияния на приезжающих в СССР американских писателей <...> Вряд ли целесообразно впредь при любых обстоятельствах предоставлять американским дипломатам, весьма враждебно относящимся к нашей стране и советскому народу, возможность поездок по республикам Советского Союза, даже в том случае, *если от-каз в такого рода поездках и будет угрожать продолжению контактов с американскими писателями в рамках официального соглашения* (Курсив мой. Л.К.)¹.

Стейнбек о поездке в СССР. В целом о личном отношении Стейнбека к СССР, сложившемся у него еще ранее и укрепившемся в этой поездке, красноречиво свидетельствует его тост, произнесенный на прощальном банкете в Тбилиси и задокументированный в отчете референта ИК ССП:

«Прощайте!», – не «До свидания!», а «Прощайте!», – сказал он. – Идите своей дорогой, куда бы она вас ни привела. Если бы я не был атеистом, я бы сказал: «Да поможет вам Бог!»²

Тем самым, в результате вновь повторившихся в этой поездке бесчисленных споров с советскими людьми о двух системах и тщетных попыток доказать принимающей стороне превосходство американской демократической системы, Стейнбек, как и в 1947 г.³, пришел к мнению о невозможности переубедить своих идеологических оппонентов и вынужденной необходимости принять их право на строительство своего (непонятного и чуждого ему) миропорядка в своей стране как данность.

Говоря о публикациях Стейнбека, посвященных его последней поездке в СССР, Элейн Стейнбек и Роберт Вэлстейн, составители сборника его писем, отметили:

¹ Там же. Л. 46–47.

² Там же. Л. 42–43.

³ Эту точку зрения Стейнбека накануне отъезда из СССР в 1947 г. Р. Капа определил следующим образом: «Он (Стейнбек) считает, что все, что происходит здесь, прогрессивно для России, но что для Америки такой путь совершенно не годится». (ГА РФ. Ф. 5283.с.2. Оп. 22с. Ед. хр. 21. Л. 176).

Как обещал¹ Стейнбек, еще находясь за «железным занавесом», он не написал публично о своих впечатлениях, полученных там. Вместо этого он написал большое число благодарственных писем, о которых сам автор красноречиво высказался в послании Л. Брэди: «Я должен известить тебя, что я написал несколько наиболее порфириносных писем, которые ты когда-либо мог увидеть, Союзу писателей Еревана, Тбилиси и Киева. Их содержимое может прозвучать для нас несколько простодушно и старомодно, но я выучился этому стилю, находясь там»².

Тем не менее, по приезду в США Стейнбеку необходимо было отчитаться о своей поездке в Вашингтоне, для чего он подготовил 40-страничный отчет о своих впечатлениях от СССР и восточноевропейских стран. Как он сообщал в письме П. Бриджесу, «если он (отчет. – Л.К.) не понравится Департаменту, я отправлю его в “Newsday” или в один из других журналов, просивших у меня материал»³.

Документы Стейнбека были приняты госдепартаментом, в настоящее время часть из них хранится в библиотеке Стэнфордского университета⁴.

Несмотря на данное Стейнбеком устное обещание не афишировать на Западе свои впечатления от СССР, Иностранная комиссия Союза советских писателей вскоре после его отъезда тщательно отслеживала прессу тех стран, в которые последовал Стейнбек из Москвы, собирая все записи и политически значимые высказывания писателя в отдельный документ.

¹ Об этом обещании Стейнбека не сообщать публично о своих впечатлениях от Советского Союза, также сообщает в отчете о пребывании Стейнбека в СССР в 1963 г. Ф.А. Лурье. По словам референта, на аэродроме перед вылетом в Варшаву Стейнбек заявил: «Мы с женой оставляем здесь много искренних и настоящих друзей. Мы полюбили народ вашей страны и никогда не скажем о нем ничего плохого. Протест, выраженный мною вчера в посольстве на пресс-конференции, связан лишь с фактом ареста профессора Баргхорна и никакого отношения к советскому народу не имеет. Я хочу, чтобы вы знали это <...> Журналисты могут исказить в печати смысл сделанного мною заявления». (Там же. Л. 44–45).

² Steinbeck: A Life in Letters. P. 788.

³ Bridges P. A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union. P. 91–92.

⁴ Papers and memoranda based on State Department-sponsored trip to the U.S.S.R. and East European countries, 1963. Об этих документах сообщает Дж. Бенсон в примечаниях к книге “The True Adventures of John Steinbeck, Writer: a Biography” (P. 1080) и к статье: “Through a Political Glass, Darkly: The Example of John Steinbeck.” *Studies in American Fiction* 12:1 (Spring 1984): 59.

В этом отношении особо примечательна статья “New York Times”, освещавшая встречу Стейнбека с советскими читателями в Библиотеке иностранной литературы в Москве 21 октября 1963 г.¹ В отличие от краткой заметки «Литературной газеты» (о которой уже говорилось выше), акцентировавшей внимание на необычайно теплом приеме писателя советской публикой, растопившим его сердце («Я шел на это собрание, как на казнь, а встретил доброту и понимание»²), отреферированная Инокомиссией ССП статья “New York Times”, помимо перечисления тем, «от абстрактного искусства и до негритянских писателей и джаза»³, о которых шла речь во время встречи, назвал еще ряд острых моментов. Во-первых, в статье было отмечено, что встреча в основном велась на одном поле – поле Стейнбека, т.к. на обращенный им в зал вопрос «об идеологическом наступлении Коммунистической партии в области искусства и литературы в начале этого года» никто не дал ответа, сославшись на то, что «здесь принято, чтобы иностранные писатели рассказывали сами о своей работе»⁴. Во-вторых, американский рецензент ответил, что слова Стейнбека об Эренбурге, «как “о своем друге, которым могут гордиться не только русские, но и весь мир”», были встречены публикой аплодисменты, после чего добавил, что «Эренбург был в числе тех, кого обвинили в этом году в отклонении от партийной линии»⁵.

Кроме того, журналист “New York Times” в конце статьи позволил себе сделать несколько более общих замечаний – о том, что книги Стейнбека приобрели в СССР большую известность, главным образом, после 1956 г., «когда кампания десталинизации открыла двери Советского Союза чуть пошире для иностранных книг»⁶, и что творчество Стейнбека в советской критике было разбито на разные периоды, и список «приемлемых» произведений писателя включает в себя «Гроздь гнева», «оцененные здесь как “реалистическое отображение борьбы фермеров против монополий”», «Квартал Тортилья-Флэт», «Жемчужину» и «Зиму тревоги нашей»⁷.

В Варшаве Стейнбека застигло известие о трагической гибели 22 ноября 1963 г. Дж.Ф. Кеннеди, по просьбе которого была совершена

¹ Steinbeck Meets the Soviet Press // New York Times. 1963. Oct 22. P. 34.

² Встреча со Стейнбеком // Литературная газета. 1963. 24 октября. С. 4.

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

поездка писателя в СССР и которого Стейнбек хорошо знал лично. Тема его смерти и последующей политики американских властей поднималась на пресс-конференциях писателя в Варшаве, Вене, Праге.

На пресс-конференции в Вене Стейнбек высказал западным журналистам свое мнение о Н.С. Хрущеве:

Хрущев, – сказал Стейнбек, – хороший политик, который осуществляет разумное руководство. Это можно было увидеть не только во время дела Баргхорна, когда советский премьер-министр лично распорядился освободить Баргхорна, но еще в дни кубинского кризиса, когда кремлевский руководитель попытался, по возможности, выпустить пар из котла международной напряженности¹.

Кроме того, памятуя о своих встречах с молодыми советскими писателями, Стейнбек отметил, что в области литературы в СССР «преодолен застой последних 35 лет, и в авангарде находится молодая советская интеллигенция, которая “нашла в себе мужество встать против указаний Кремля”»².

О посещении Стейнбеком западного Берлина Иностранная комиссия ССП отобрала целых пять рецензий различных немецких и американских изданий. По словам писателя, о поездке в американскую часть Берлина его просил покойный президент Кеннеди. В целом, он старался воздерживаться от комментариев по поводу стены, но, как пишет “New York Herald Tribune” (выпуск 12 декабря 1963 г.), подойдя к ней вплотную и увидев с восточной стороны часовых с автоматами, Стейнбек сказал, что в Москве он беседовал о берлинской стене со многими русскими:

Все они говорили мне, что единственная причина сооружения этой стены – это контроль над валютой. Эти русские утверждали, что никто ни в кого не стрелял у стены, кроме западноберлинской полиции³.

Спустя несколько дней в “New York Herald Tribune” появляется другая заметка, которая также привлекает внимание сотрудников Иностранной комиссии ССП – о том, что «Стейнбек отказывается посетить Восточный Берлин». В статье приводятся следующие слова писателя:

¹ Там же. Л. 7.

² Там же.

³ Там же. Л. 11.

«Хоть я и сочувствую заключенным, но не люблю тюремщиков. Если бы я мог помочь, я бы поехал, но не из любопытства». По его мнению, также следует, что «стена – это неудачное мероприятие»¹.

Наконец, завершающим аккордом посещения Стейнбеком и Олби СССР стали две радиопередачи, которые вышли по прибытии американцев на родину в начале 1964 г. в «Голосе Америки» и были подробно задокументированы Иностранной комиссией ССП. В первой передаче от 13 января Стейнбек и Олби в основном, рассказывали о своих впечатлениях от СССР и от общения с советскими писателями, о различиях в восприятии советскими и американскими авторами цели своего ремесла и роли художника в обществе. Например, по мнению Стейнбека, американские писатели «критикуют свое общество, если их не устраивает его мораль, не считая необходимым требовать при этом коренных изменений в его социальном устройстве», в то время как советские писатели, по словам Стейнбека, «не могут этого делать, т.к. они должны поддерживать его политику»². Также из бесед с советскими писателями Стейнбек вынес убеждение, «что их интересует прежде всего политика, а потом уже проблемы морали, в том время как американских писателей и писателей Запада, прежде всего, занимают проблемы “морально-этические”»³.

Во второй передаче от 20 января больше внимания было уделено вопросам культурных обменов между США и СССР. Оба писателя, Стейнбек и Олби, отметили полезность своей и подобных ей поездок и высказались за продолжение практики культурного обмена, считая его одним из важнейших средств для нахождения общего языка. Так, подобно тому, что он уже говорил в 1947 г., Стейнбек заявил:

Я думаю, что одна из самых больших опасностей в мире возникает тогда, когда закрываются двери и воздвигаются стены... У нас произошла потеря понимания сигналов. Личные встречи и разговоры «помогают восстановлению общего языка»⁴.

Присоединившийся к мнению своего старшего коллеги Олби обозначил особенную важность «участия молодежи во взаимных поездках по

¹ Там же. Л. 14.

² Там же. Л. 19.

³ Там же. Л. 19–20.

⁴ Там же. Л. 22.

культурному обмену», поскольку, по его словам, «молодежь доверяет друг другу больше, чем старшему поколению»¹.

В целом, говоря об отзывах Стейнбека о его третьем визите в СССР, опубликованных в зарубежной прессе, нельзя не отметить, что, как и в «Русском дневнике», нобелевский лауреат, назначенный Кеннеди «послом мира», в своих заявлениях старательно обходил сложные политические вопросы, концентрируясь на том общем, что объединяет два народа, и, тем самым, демонстрировал свое лояльное отношение к СССР, политике Хрущева, в особенности возлагая надежды на новое поколение советских писателей, нашедшее в себе «мужество встать против указаний Кремля»². С другой стороны, показательным является то, что, если Стейнбек в первые дни своего пребывания в Москве с восторгом писал об «оттепели», которая чувствуется везде³, то спустя несколько месяцев по возвращении домой он осторожно добавлял: «Там есть оттепель. Не дошло до таяния. Но изменения по сравнению с тем, что я видел там в первый раз, налицо»⁴.

Попытка приглашения советских писателей в США ПЕН-клубом.

Вернувшись на родину и проанализировав результаты своего путешествия в страну Советов, Стейнбек и Олби задумались о том, чтобы изменить формат советско-американских «культурных обменов», убрав их политическую составляющую. С этой инициативой они обратились к президенту американского ПЕН-клуба Джону Фаррару. И спустя полгода после поездки Стейнбека и Олби в СССР ПЕН-клуб направил шести молодым советским писателям (большинство из которых присутствовало на той встрече в редакции журнала «Юность») – В.П. Аксенову, Ю.П. Казакову, В.П. Некрасову, А.М. Володину, А.А. Вознесенскому и Е.А. Евтушенко (позднее в список были добавлены К.М. Симонов и М.П. Бажан) за подписью Стейнбека и Олби приглашение посетить Америку. В этом приглашении, направленном советским авторам, говорилось, в частности, следующее:

«Мы обсуждали наши впечатления от поездки со многими из наших коллег после нашего возвращения в Америку. В своих разговорах

¹ Там же.

² Там же. Л. 7.

³ Steinbeck: A Life in Letters. P. 780.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4191. Л. 21.

мы отметили в особенности возросшее значение того, о чем мы говорили с вами до нашего отъезда из Советского Союза: мы, писатели, можем сослужить хорошую службу в деле мира и международного понимания, причем сами по себе, без вмешательств и хлопот со стороны государств, официальных обменов и т.д. По крайней мере, так мы сможем увидеть, что писатели двух наших государств имеют возможность узнать друг друга, разделить свои мысли, обсудить различия между ними. И поэтому мы обратились с предложением к нашим коллегам пригласить писателей из Советского Союза посетить Соединенные Штаты в качестве личных гостей писателей Америки»¹.

Стейнбек и Олби от лица ПЕН-клуба предлагали советским писателям приехать в сентябре 1964 года (а в следующем письме, отправленном в ноябре, – весной будущего года) и провести в Америке 6 недель, в течение которых они бы могли всецело пообщаться со своими американскими коллегами, «увидеть наши университеты, наши города, наши пригороды»² и, в целом, самостоятельно составить себе программу поездок, которая бы их устроила.

Приглашения на имя каждого из советских писателей поступили в Союз советских писателей. Некоторые из них ответили, что с радостью воспользуются приглашением, а некоторые, например А.М. Володин, сказали, что не смогут приехать в США осенью 1964 года. Однако в своем втором письме, направленном непосредственно К.А. Федину, генеральному секретарю ССП, Дж. Фаррар отметит, что никаких более определенных ответов они не получили «даже к 1-му сентября – число к которому мы ожидали приезд писателей!»³ Выразив сомнение, что, возможно, это произошло потому, что советские писатели получили приглашения слишком поздно и могли не успеть подготовиться к столь длительной поездке в другую страну, Фаррар предложил перенести поездку на весну следующего года, отметив, что организаторы этого мероприятия готовы пойти на отсрочку, хотя она будет сопряжена с некоторыми трудностями для ПЕН-клуба.

Ответ на письмо Фаррара последовал неутешительный. Секретарь Правления Союза Писателей СССР Георгий Марков, в связи с отсутствием К.А. Федина в Москве, сообщил, что «каждый из писателей, которых Вы приглашаете, живет по своему плану, все они много ездят –

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 6345. Л. 18.

² Там же. Л. 19.

³ Там же.

очень трудно, пожалуй, даже невозможно соединить их всех вместе, чтобы они приехали в США в одно и то же время. Сейчас, например, Константин Симонов находится в Западной Германии, в ближайшее время он предполагает посетить Финляндию, Италию, Латинскую Америку. Микола Бажан вскоре уезжает в Италию»¹.

Он сообщил, что возможно, некоторые из названных писателей смогли бы приехать весной 1965 года в США, и обещал ответить, когда у него появится более подробная информация, а также попросил «заверить г.г. Джона Стейнбека и Эдуарда Олби, что советские писатели тронуты проявлением дружеских чувств с их стороны и благодарят их за приглашение»². Однако дальше этого дело не продвинулось, что фактически поставило крест на попытке американских писателей организовать общение со своими молодыми советскими коллегами вне политического «кордона».

После поездки в СССР (1964 – 1966)

Письмо Стейнбека советским писателям и «открытое письмо» Ф.Т. Кравченко. После поездки Стейнбека в СССР 1963 г. произошел еще один инцидент, который напрямую коснулся многих представителей советской интеллигенции. 9 мая 1964 г. многие из них неожиданно для себя получили письмо от Стейнбека с приложенной к нему «речью, произнесенной в декабре 1962 г. в Стокгольме по случаю получения Нобелевской премии по литературе»³. В этом письме Стейнбек, в частности, сообщал различные подробности их встреч в Москве, о том, как «у нас возникали споры, мы выражали разные точки зрения, но все это не помешало нашей дружбе», его воспоминания о том, как «в Москве мы много смеялись вместе»⁴ и др. Это письмо было написано писателем от руки, а затем размножено с помощью мимеографа и направлено огромному числу лиц, в том числе тем, с кем Стейнбек ни разу в жизни не встречался. Данный поступок известного американского писателя был воспринят его советскими коллегами с большим недоумением.

Писатель А.Ю. Кривицкий был один из многих советских деятелей культуры, кто обратился с вопросом по поводу этого письма в редакцию

¹ Там же.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 9. Ед. хр. 2256. Л. 9.

⁴ Там же.

«Известий» (позднее он также вспоминает этот случай в своей биографической книге «Ветер на перекрестке, или Памфлеты и рассказы из “Кое-что...”»¹). В своем письме Кривицкий описал то удивление, которое он почувствовал, сначала получив собственноручно написанное письмо известного американского писателя о событиях, участником которых он не был, а после узнав от своих знакомых в Центральном Доме литераторов, что многие из них получили точно такие же письма. Как сообщает советский автор, все адресаты Стейнбека задавались одним и тем же вопросом: «Если адресатом служит весь справочник Союза писателей, не проще ли обратиться к ним с открытым письмом в печати?»².

Чтобы разобраться в случившемся, редакция «Известий» обратилась к собственному корреспонденту в США С. Кондрашову с просьбой как можно скорее связаться со Стейнбеком и прояснить ситуацию. Писателя в тот момент дома не оказалось, и корреспондент обратился с этим вопросом к литературному секретарю писателя Э. Отис. Через какое-то время Отис сообщила Кондрашову и «Известиям», что в этой истории виноват государственный департамент, который «все перепутал и по списку Союза писателей разослал письма Джона Стейнбека и тем, с кем он не виделся в Советском Союзе»³.

Вскоре после этих неприятных разбирательств, сам Стейнбек прислал в «Известия» письмо, которое обозначил как «Дорога в ад и добрые намерения» и просил его опубликовать в газете, чтобы «собрать» развалившиеся, как Шалтай-Болтай (англ. Humpty-Dumpty⁴) первоначальные добрые намерения и вернуть уважение советских людей.

Стейнбек объяснил путаницу с адресами желанием, возникшим у него вскоре после отъезда из СССР, отблагодарить многочисленных советских друзей и послать им «напоминание о себе, нечто редкое, что могло бы послужить маленьким знаком моей признательности за ока-

¹ Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. М.: Советская Россия, 1984. С. 415–416.

² Письма из-за границы и за границу // Известия. 1964. 29 августа. С. 3.

³ Там же.

⁴ Используя образ «развалившегося на части Шалтай-Болтая» (так в переводе С.Я. Маршака звучит имя персонажа книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» и английского детского стихотворения), которого «надо снова собрать», Стейнбек выражал намерение вернуть утраченный смысл его первоначальным добрым намерениям при отправке этого письма.

занное мне добросердечное отношение»¹, а также своей плохой памятью, из-за которой он не мог вспомнить, по каким именно адресам ему было необходимо отправить это послание; по этой причине он действительно решил воспользоваться справочником Союза советских писателей – организации, гостями которой он и его супруга были.

Объяснив причину возникновения сотен копий письма, которое он отправлял в СССР с самыми добрыми намерениями, в своем послании «Известиям» Стейнбек пишет, что очень дорожит дружбой многих русских людей, и что «было бы очень печально, если бы некоторая бестактность с моей стороны изменила или в какой-то степени поколебала это чувство»².

Некоторые из писателей отнеслись к этому инциденту с юмором и пониманием, например, Н.Г. Винников, который направил американскому автору следующий ответ:

Мне было бы очень приятно сохранить для мемуаров собственноручное письмо автора превосходной книги «Гроздь гнева» о его теплых встречах со мной, если бы появление Вашего литографированного манускрипта в моем почтовом ящике не было вызвано явным недоразумением. Дело в том, что мы с Вами, к сожалению, никогда не встречались ни в Москве, ни в какой-либо другой точке земного шара. Поэтому, если буду в Нью-Йорке, я с большим удовольствием воспользуюсь Вашим приглашением, чтобы восполнить этот пробел в наших биографиях³.

Другие посчитали нужным в резонерском и даже язвительном тоне уведомить автора «Гроздь гнева» о том, что подобное отношение к себе они считают недопустимым. Так, писатель С.Л. Львов пишет в ответном письме Стейнбеку:

Как и все мои коллеги – советские писатели – я высоко ценю мнение коллектива и коллективные действия на благо людей. Но не думаете ли Вы, дорогой друг, что, если писатель пишет письмо писателю, как личное, а потом размножает его и рассылает «всем, всем, всем», это выражает упрощенное представление о личности писателя в коллективе писателей. И разве Вы не были бы удивлены, если бы кто-нибудь из ваших московских адресатов свой

¹ Письма из-за границы и за границу. С. 3.

² Там же.

³ РГАЛИ. Ф. 2834. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 1.

ответ, предназначенный Вам, размножил бы и разослал всем нью-йоркским писателям по адресам, взятым из справочника. Ваше обращение ко мне как к другу дает мне право, как мне кажется, на это откровенно высказанное соображение.

Я буду рад получить от вас личное письмо, если вы пожелаете мне ответить. Я не возражаю и против того, чтобы получить то Ваше письмо, которое Вы будете снова рассылать как циркуляр, если вы полагаете возможным сохранить такую форму общения с коллегами по профессии. Но совмещение этих двух эпистолярных жанров представляется мне несколько странным¹.

Отдельного упоминания заслуживает «открытое письмо» Стейнбеку украинского писателя Ф.Т. Кравченко, которое было опубликовано в «Литературной газете» 12 июля 1964 г., т.е. до появления в «Известиях» объяснения Стейнбека.

Это письмо полно обиды советского писателя на оскорбившего его знаменитого американца и имеет своей целью поставить зазнавшегося капиталистического автора на место. Памятуя о «дружеском» приветствии Стейнбека к нему в своем письме, Ф.Т. Кравченко пишет:

Вы в своем письме, господин Стейнбек, назвали меня «дорогим другом». Но ведь друзья – это единомышленники! На что же Вы рассчитываете, желая завязать со мной хотя бы заочную дружбу? На то, что я приму Вашу идеологию? Но это же смешно! Если Вы вдумаетесь в то, что я Вам написал, Вам никогда и в голову не придет, что это когда-либо случится. Вам нравятся класс эксплуататоров, а я страстно ненавижу его с детских лет; Вы видите свое призвание в том, чтобы примирить два класса – эксплуататоров и эксплуатируемых, <а я с детских лет> хочу только одного: полного истребления таких же помещиков и капиталистов, как и те, которые, как говорится, сосали кровь из моего отца – рабочего – и моего дела – раба, несчастного крепостного мужика, которому не позволяли даже говорить на родном языке...²

«Всеобщему страху» и «малокалорийному отчаянию», о котором пишет Стейнбек в своей нобелевской речи, украинский писатель противопоставляет путь

¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4240. Л. 8.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 4299. Л. 11–12.

советского народа, ведомого в светлое будущее созданной Лениным Коммунистической партией», <...> когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, (а следовательно и войн не будет), и исчезнут последние признаки того страха, который, кстати сказать, продиктовал письмо, полученное мною сейчас, и заставил Вас произнести столь «смутную», с точки зрения философской, и безнадежную для писателя (если он хочет быть полезным человечеству!) речь в Стокгольме¹.

Однако случай Ф.Т. Кравченко был скорее исключением, связанным не с личной неприязнью к Стейнбеку, но со стремлением советского автора следовать в фарватере идеологии (и «подвернувшийся» ему нобелевский лауреат оказался для этого прекрасным поводом). Как пишет в своей биографии А.Ю. Кривицкий, в целом, «мы (советские писатели. – Л.К.) дружески извинили Стейнбеку его неловкость, усугубленную проворством чиновников госдепартамента тех времен. Но вот вызывающий полет писателя на боевом самолете над истерзанным Вьетнамом вызвал осуждение во всем мире»².

Советская пресса о Стейнбеке до Вьетнама. «Полет писателя на боевом самолете над истерзанным Вьетнамом», о котором говорил Кривицкий, произошел на рубеже 1966–1967 гг., а до этого времени в сознании советского читателя Стейнбек продолжал оставаться дружественным СССР автором, создателем всенародно любимых книг «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей», в своем последнем визите – хотя бы на уровне широко известного интервью «Известиям» – подтвердившим свою репутацию писателя-гуманиста и противника войн и свое доброе отношение к советскому народу.

Это хорошее отношение к писателю отразилось в публикациях советской прессы о Стейнбеке 1964–1966-х гг. В некоторых из них сохранились отсылки к последней поездке Стейнбека. Например, в статье «Литературной газеты», нацеленной против измышлений американской прессы об СССР, в качестве положительного примера говорится о визите Стейнбека в Ереван:

Приятным гостем Еревана был Джон Стейнбек. Он познакомился со многими писателями и учеными, художниками, строителями и колхозниками. Он встретил уважение и теплый прием и сам проникся чувством уважения к Советской Армении и армянам.

¹ Там же. Л. 13–14.

² Кривицкий А.Ю. Тень друга. Ветер на перекрестке. С. 416.

Стейнбек многое помнит об Армении, исполненный любви и сердечного тепла. Он пишет: «Я будто вижу древний величавый Ереван, который помнит десятки и десятки поколений, маячащих вдали, как горы, и шагающий в будущее... – прелестную страну и славный народ, хранящий традиции и, что самое главное, непрерывно идущий вперед».

Такими увидел нашу страну и нас Джон Стейнбек¹.

Другая статья «Литературной газеты» относилась к визиту Стейнбека в Киев и его посещению музея поэта Т. Шевченко, судьба и лирика которого весьма впечатлили американского автора. В качестве неопровержимого доказательства мирового значения украинского поэта автор статьи А. Полторацкий приводит строки из письма Стейнбека, в котором тот говорит о Шевченко:

Можно ли вплести еще какие-либо слова в венок шевченковской славы – славы, которую безоговорочно признает весь мир? Тот, кто ищет плодов человеческой деятельности, которым суждено жить вечно, – может найти их у Шевченко... Даже ваш любимый Днепр немного изменил свое течение и передвинул свои песчаные косы. Но слова Шевченко, прозвучавшие когда-то, остались неизменными навсегда. И я не знаю, можно ли прибавить еще что-либо для его прославления².

Также «Известия» в качестве объяснения того, почему в кандидаты президенты США от республиканцев был выдвинут Голдуотер, ссылаются на слова своего недавнего визитера:

Пусть ответит столь авторитетный знаток американской жизни, как писатель Джон Стейнбек. В прошлом году он побывал в гостях у «Известий». И когда мы спросили его, может ли в Соединенных Штатах голову поднять фашизм, он ответил:

– У нас, в Америке, всегда существовала угроза фашизма. Реакция всегда гнездилась в сердце нашей страны с самого начала, с первых дней после революции (американской). Достаточно сказать, что у нас был Маккарти³.

¹ Порция желчи: басни американского журнала «Репортер» // Литературная газета. 1964. 4 апреля. С. 4.

² Полторацкий А. Джон Стейнбек о Тарасе Шевченко // Литературная газета. 1964. 9 июня. С. 1.

³ Полянов Н. Беседа с читателями: человек, который хочет отменить XX век // Известия. 1964. 18 июля. С. 3.

В 1964 г на подмостках Москвы и Ленинграда успешно шли постановки по прозаическим произведениям американского автора: в МХАТе им. Горького шла инсценировка романа Стейнбека «Зима тревоги нашей» (постановщик – Б. Норд, режиссер – В. Марков, в роли Итена Хоули – П. Массальский), а в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С.М. Кирова – одноактный балет по «Жемчужине» (композитор – Н. Симонян, в главных партиях – К. Федичева, Ю. Соловьев, А. Осипенко, С. Кузнецов, И. Зубковская). Рецензии на эти спектакли были опубликованы с интервалом в полгода в «Советской культуре»¹. В 1965 г. в Русском драматическом театре им. Леси Украинки также была поставлена впервые переведенная на русский язык пьеса Стейнбека «О мышах и людях»².

В середине 1960-х гг. по следам разразившегося в мировом литературном сообществе спора о «новом романе» (один из этапов которого проходил в Ленинграде в 1963 г. – на Конгрессе о судьбах романа, в котором приняли участие известнейшие западные писатели – Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, Натали Саррот, Уильям Голдинг, Джузеппе Унгаретти, Ганс Вернер Рихтер и др.) Стейнбек, по оценкам советской прессы, выступал как яркое живое доказательство превосходства реалистического романа – об этом говорят статьи 1964 г. Р. Самарина «Размышления о романе»³ и «Широкой дорогой реализма»⁴.

Кроме того, если в 1940-х гг. после выхода «Гроздьев гнева» все упоминаемые советской прессой случаи, иллюстрирующие «бедственное положение американского фермерства», стали связываться исключительно с этим романом, так после широкого распространения в СССР романа «Зима тревоги нашей» сюжет этого произведения стал универсальным примером пагубного влияния капиталистического уклада жизни на моральные устои американцев. Этот вопрос подробно разбирался в упомянутой работе Р.М. Самарина «Широкой дорогой реализма», статье доктора философских наук И.С. Кона о юношеском самоопределении «Что такое “найти себя”?»⁵, А.Н. Николокиной «Блудные дети

¹ Право быть «средним»? // Советская культура. 1965. 5 января. С. 2–3; Дьяконов А. Несчастливая «Жемчужина» // Советская культура. 1965. 10 июля. С. 3.

² Горят «Днепровские зори» // Литературная газета. 1965. 25 сентября. С. 1.

³ Размышления о романе // Правда. 1965. 5 декабря. С. 3.

⁴ Самарин Р. Широкой дорогой реализма // Правда. 1964. 15 ноября. С. 3.

⁵ Кон И. Что такое «найти себя»? // Известия. 1965. 25 августа. С. 4.

Америки»¹ и заметке Л.Н. Толкунова «Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии», в которой советский автор дает марксистское истолкование проблемам, поднимаемым Стейнбеком в его большом эссе «Америка и американцы»² («кризис правящего класса, который не может выдвинуть сколько-нибудь захватывающих национальных целей, глубокий кризис всего американского общества»³).

Публикация в СССР книг Стейнбека и о Стейнбеке (1964–1966).

В эти годы появились на свет и первые научные работы о Стейнбеке. Так, «Литературная газета» в начале 1965 г. анонсировала⁴ появление на советских прилавках книги В.В. Смирновой «Современный портрет»⁵, в которую были включены литературные портреты советских и зарубежных писателей, помимо Дж. Стейнбека, в ней присутствовали статьи об Э. Колдуэлле, Э. Хемингуэе, А. де Сент-Экзюпери, Я. Корчаке. В 1964 г. вышла монография М.О. Мендельсона «Современный американский роман»⁶, одна из глав которого посвящена анализу прозаического наследия Стейнбека. В 1965 г. в серии «Современная зарубежная литература» также появилось небольшое по размеру исследование творчества писателя – книга А.А. Федорова «Джон Стейнбек»⁷.

Также в советской печати вышли новые произведения писателя: в 1965 г. издательство «Прогресс» опубликовало последнее законченное произведение Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки»⁸. Украинский журнал «Всесвіт» (редактором которого был хорошо известный Стейнбеку по его поездкам в СССР в 1947 и 1963 гг. А.И. Полторацкий) планировал также перевести на русский язык и издать в 1967 г. роман Стейнбека «Заблудившийся автобус»⁹, что впоследствии не было осуществлено.

¹ Николоюкин А. Блудные дети Америки // Литературная газета. 1966. 22 декабря. С. 4.

² Steinbeck J. America and the Americans // Saturday Evening Post. 1966. July 2. P. 33–38, 40–41, 44, 46–47.

³ Толкунов Л. Духовное обнищание: антикоммунизм на службе агрессии // Известия. 1966. 25 августа. С. 2.

⁴ Вышли из печати // Литературная газета. 1965. 9 января. С. 3.

⁵ Смирнова В.В. Современный портрет. М.: Советский писатель, 1964.

⁶ Мендельсон М.О. Современный американский роман. М.: Наука, 1964. С. 269–348.

⁷ Федоров А.А. Джон Стейнбек. – М.: Высшая школа, 1965.

⁸ Стейнбек Д. Путешествие с Чарли в поисках Америки. М.: Прогресс, 1965.

⁹ Григорьев К. Сто номеров «Всесвіта» // Литературная газета. 1966. 27 октября. С. 4.

Наконец, в 1966 г., по сообщению «Литературной газеты», на заседании Комитета по печати при Совете Министров СССР обсуждался вопрос о выпуске Библиотеки избранных произведений всемирной литературы, который было решено приурочить к 50-летию Великого Октября. Научное руководство изданием планировалось осуществить ИМЛИ имени А.М. Горького АН СССР, а выпуск библиотеки возложить на издательство «Художественная литература».

В третьей серии издания, представлявшей собой современную литературу XX века и по плану включавшей в себя 70 томов, должны были находиться и избранные сочинения Стейнбека. Однако в 1967 г в силу изменившейся ситуации этого не произошло по идеологическим причинам, и первый двухтомный выпуск «Избранных произведений» Стейнбека с предисловием С. Батурина в той же «Художественной литературе» вышел только в 1981 г.¹

Стейнбек и война во Вьетнаме: «ледяной душ» в отношениях с СССР (1966–1967)

Изыявления горячей симпатии к американскому писателю резко обрываются в Советском Союзе с наступлением 1966 г. Это было связано с участием Стейнбека – прямым и косвенным – во вьетнамской кампании, столь диссонировавшим с прежними антивоенными и гуманистическими убеждениями писателя.

В СССР поддержка Стейнбеком ввода американских войск во Вьетнам оказалась полной неожиданностью, поскольку в глазах рядового советского читателя Стейнбек был в первую очередь писателем-гуманистом, певцом справедливости и человеческого достоинства. Так, литовский советский поэт Э. Межелайтис, встречавший долгожданного гостя в московском аэропорту, писал, резюмируя свои мысли о жизни и творчестве Стейнбека:

С той поры, как мы, не отрываясь, прочли «Гроздь гнева», мы знали, что Стейнбек не просто большой писатель, он друг человека. Друг без мизантропии, без прекраснотушия, без фальшивых назидательных сентенций².

¹ *Стейнбек Дж.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1981.

² *Межелайтис Э.* Познавший «соль земли» // Литературная газета. 1963. 2 ноября. С. 4.

Сам Стейнбек во время своего визита в СССР в 1963 г. неоднократно подтверждал это мнение. В своих многочисленных интервью и заявлениях, сделанных в ходе этого визита, в разговорах на политические темы Стейнбек в первую очередь отмечал то общечеловеческое, что объединяет оба народа, и ратовал за разоружение и прекращение «холодной войны», путь к чему он видел в установлении дружеских контактов между странами, в первую очередь на культурном уровне. Об этом же, к примеру, говорилось в большом интервью с писателем газете «Известия», которое было прочитано тысячами советских граждан:

И сейчас, когда разговариваешь с писателем, чувствуешь, что, если и есть что-либо для него наиболее ненавистное, так это война. Стейнбек горячо выступает за разоружение, за ликвидацию страха, презрительно говорит об американской доктрине «равновесия страха».

– Самое опасное – это страх! – говорит он. – Я не видел ни одного с ног до головы вооруженного человека, который бы в душе не трясся от страха. Страх заставляет нас вооружаться. Страх должен быть ликвидирован. С ним можно бороться, лишь устанавливая контакты, добиваясь взаимопонимания.

– Если задумаешься над тем, что разделяет американцев и русских и что их объединяет, то можно прийти лишь к единственно правильному выводу: мы более схожи, чем различны. Вот об этом надо говорить, об этом надо писать, это надо утверждать¹.

Кроме того, это стойкое, исключавшее любые сомнения убеждение советских людей в том, что Стейнбек займет в этой кампании антивоенную позицию, наглядно демонстрирует небольшая заметка Л. Никулина «Бронтозавры на краю пропасти»:

Мы видим как бы две Америки. Одну Америку – Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека, – страну, где, по словам газет, четырнадцать граждан из пятнадцати стоят за мирное разрешение конфликта. Другая Америка – Америка Голдуотера, Бэрча, белых балахонов, огненных крестов. Именно по ее настоянию продолжается трагедия во Вьетнаме².

В целом, эта монолитность и однозначность образа Стейнбека, создававшегося в советской прессе со времен выхода его романа «Зима

¹ *Вишиневецкий К.* Разговаривая со Стейнбеком. С. 4.

² *Никулин Л.* Бронтозавры на краю пропасти // Литературная газета. 1965. 23 февраля. С. 4.

тревоги нашей», писателя-гуманиста, всю жизнь отстаивавшего в своих произведениях право маленьких людей на свободу и на счастье, привела к тому, что поддержка Стейнбеком войны во Вьетнаме стал громом среди ясного неба – полной неожиданностью для тысяч его советских читателей. В итоге положительный образ Стейнбека, сложившийся в СССР, оказался разбит вдребезги.

“My Dear Fiend Genya...”: открытая переписка Стейнбека и Евтушенко о событиях во Вьетнаме. Знаковым событием в этом контексте стала короткая переписка двух друзей, находившихся по разные стороны «железного занавеса», Дж. Стейнбека и Е. Евтушенко. С советским поэтом Дж. Стейнбек свел знакомство на встрече с молодыми советскими авторами журнала «Юность» в ноябре 1963 г.; после отъезда Стейнбека на родину общение писателей продолжилось и переросло в дружбу. Когда в 1965 г. многие американские деятели культуры – писатели, драматурги, журналисты, музыканты, выразили свой протест против войны во Вьетнаме, заняв антивоенную позицию¹, в СССР эту новость встретили с большим воодушевлением. Е. Евтушенко, который также живо интересовался происходящими во Вьетнаме событиями и общественной позицией своих коллег за рубежом, был удивлен, не найдя в списке американских пацифистов имени Стейнбека. Свое удивление он выразил в стихотворном «Письме Стейнбеку», опубликованном в июльском номере «Литературной газеты» за 1966 г.

В этом письме Евтушенко обращается к «одному из моих любимых писателей и друзей Джону Стейнбеку, у которого я хочу учиться», и вспоминает встречу в редакции журнала «Юность», на которой Стейнбек призвал молодых советских авторов «показать свои зубы», т.е. открыто без боязни высказать свою критическую позицию в отношении того, что происходит в стране. В тот раз советские писатели (среди которых, помимо Е. Евтушенко, были В. Аксенов, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, А. Гладилин и др.) были вынуждены молчать, скованные присутствием советских и американских дипломатов, но теперь си-

¹ К примеру, Е. Евтушенко говорит о «двухмиллионной демонстрации в Нью-Йорке против войны во Вьетнаме, когда в одной колонне в обнимку шли Артур Миллер, Бенджамин Спок, Мартин Лютер Кинг и свои песни пели тогда еще совсем молодые Джоан Байез и Боб Дилан» (Морозов А. Поэт Евгений Евтушенко: Скука — мать фашизма // Новые известия. 2005. 12 декабря. С. 5). По всей видимости, речь идет о Марше протеста против войны во Вьетнаме, состоявшегося 27 ноября 1965 года, в котором приняли участие А. Миллер, Б. Спок, М.Л. Кинг и другие известные общественные деятели США.

туация в корне изменилась, и уже Евтушенко в своем письме призывал американского писателя присоединить свой голос к людям всего мира, протестующим против ведения США войны во Вьетнаме.

В своем обращении Евтушенко напоминает о прежнем революционном духе писателя, его внимании к «униженным и оскорбленным», отстаивании правды и справедливости в своих произведениях:

Кусаться надо, Джон...
Того гляди,
и вовсе потеряют зубы прочность.
Пусть чьи-то «Гроздья гнева» впереди,
но неужели Ваши –
только в прошлом?!
Всегда умели слушать время Вы.
Вы слышите –
из дальнего Вьетнама
сквозь джунгли
до Нью-Йорка,
до Москвы
летит,
прося защиты:
«Мама... мама...»
И Чарли Ваш когтями пол скребет,
и Вам не страшно этими ночами,
когда летит детей бомбить пилот,
быть может,
с Вашей книгою о Чарли?!..¹

Это письмо было переведено и опубликовано спустя несколько дней в “New York Times”². Спустя несколько дней Стейнбек дал ответ Евтушенко, который был напечатан в лонг-айлендской газете “Newsday”³.

В своем открытом письме Стейнбек, во-первых, подтверждает свое отрицательное отношение к войнам в целом и добавляет, что к этой «инициированной Китаем» войне он испытывает особую «личную не-

¹ *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи. С. 4.

² *Anderson R.H.* Soviet Poet Bids Steinbeck Speak // New York Times. 1966. July 8. P. 6.

³ *Anderson R.H.* Moscow Reports Steinbeck Reply // New York Times. 1966. July 17. P. 5.

нависть». Однако писатель замечает, что Евтушенко в своем письме говорит лишь об одной стороне войны – вводе американских войск во Вьетнам, но не упоминает об участии СССР в этом конфликте, о чем советский поэт не может не знать:

Так же, как и я, Женя, ты знаешь, что мы бомбим нефтяные склады, транспорт и тяжелые, современные орудия, от которых умирают наши сыновья. Откуда проистекает эта нефть и орудия вы должны знать лучше, чем я. Они все маркированы китайскими иероглифами или кириллицей¹.

Стейнбек выступает со встречным предложением к Евтушенко – осудить всю войну, и американскую, и советскую ее составляющие.

Также Стейнбек в своем письме утверждает, что ввод американских войск во Вьетнам оказался лишь ответом на присутствие в этой стране иностранных сил, что не позволяет говорить об этом конфликте как исключительно внутривьетнамском.

Во-вторых, Стейнбек со своей стороны призывает Евтушенко употребить свое влияние как писателя, чтобы убедить людей и правительство остановить посылку «убийственных» грузов в Северный Вьетнам, которые могут быть использованы против Южного Вьетнама. В свою очередь нобелевский лауреат обещает, что при выполнении СССР этих условий, американские войска и орудия будут выведены из Вьетнама «мгновенно и автоматически»².

И наконец, он заключает, что в тот момент, когда Северный Вьетнам согласится добросовестно начать переговоры, «бомбардировки прекратятся навсегда. Ружья тихо опустятся, и наши дорогие сыновья вернуться домой. Это так же просто, как то, мой дорогой друг, что я очень надеюсь вскоре увидеть тебя и твою жену Галию»³.

Вскоре “New York Times” опубликовал сообщение, что письмо Стейнбека «Литературной газетой» получено и рассматривается⁴. По словам американского издания, редактор «Литературной газеты» на вопрос о содержании письма Стейнбека, которое должно было появиться на страницах советской печати, заявил: «Ждите и увидите»⁵.

¹ *Steinbeck J. An Open Letter to Poet Yevtushenko // Newsday. 1966. July 11. P. 3.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Steinbeck’s Letter Meets Soviet Delay // New York Times. 1966. July 15. P. 10.*

⁵ *Ibid.*

В заметке “New York Times” также было отмечено, что при публикации в Советском Союзе письма Стейнбека с его недвусмысленной критикой политики Ханоя, Пекина и Москвы у «Литературной газеты» могут возникнуть заметные трудности, поскольку для советских читателей это будет «первым указанием на то, что упомянутые столицы несут часть ответственности»¹ за происходящие в Южном Вьетнаме события.

Тем не менее, реакция на письмо Стейнбека все-таки последовала: в «Литературной газете» появилась заметка под названием «И вот Стейнбек нарушил молчание...»². Однако вместо непосредственной публикации стейнбековского «открытого письма советскому поэту Евтушенко» в статье «Литературной газеты» содержался его краткий пересказ:

Джон Стейнбек ответил на днях в американской газете “Newsday” на это письмо. Он не только отвергает содержащийся в стихах Евтушенко призыв осудить агрессию США, но и фактически оправдывает действия Белого дома и Пентагона. Стейнбек пытается отрицать очевидные всему миру факты – бомбардировку мирных городов и сел, убийство мирных жителей, женщин и детей. Он повторяет избитые аргументы официальной пропаганды США, искажающие правду о войне во Вьетнаме и ее виновниках³.

После этого газета ссылается на мнение о позиции Стейнбека других иностранных изданий и приводит с сокращениями статьи коммунистических и левых газет – американской “Worker”, французской “L’Humanité”, а также независимой “Le Monde”.

Орган компартии США “Worker” в заметке, озаглавленной «Падение Стейнбека» сообщает, что в своем ответном письме Стейнбек предстал в качестве «сторонника политики Джонсона во Вьетнаме» и, чтобы оправдать себя, не стал считаться с фактами. Журналист “Worker” пишет:

Он утверждает, что эта война «вдохновлена китайцами», когда всем известно, что война во Вьетнаме продолжается только потому, что президент Джонсон отправил во Вьетнам сотни тысяч американских солдат, тысячи американ-

¹ Ibid.

² И вот Стейнбек нарушил молчание // Литературная газета. 1966. 16 июля. С. 4.

³ Там же.

ских самолетов и десятки американских военных кораблей, тщетно пытаюсь подавить сопротивление миролюбивого народа, борющегося за свободу¹.

Напоследок автор заметки советует Стейнбеку, иронизирующему по поводу мнения Евтушенко, что американские летчики бомбят детей, чаще «читать американские ежедневные газеты, и тогда он увидит, что это именно то, что совершают «наши летчики»².

Автор заметки “Le Monde” говорит о том, что Стейнбек просто-напросто «переводит стрелки»:

Стейнбек как бы говорит ему: «Стреляйте первыми» или, вернее: «Прекратите огонь первыми», или еще точнее: «Первыми добейтесь прекращения огня», учитывая, что именно американцы находятся в Южном Вьетнаме, а не русские, и даже не китайцы, и даже не северные вьетнамцы»³.

Андре Вюрмсер⁴, автор статьи «Причины гнева», опубликованной органом французской компартии “L’Humanité”, также один за другим ниспровергает доводы Стейнбека. Французский писатель-коммунист заявляет:

Тот, кто молчит, когда совершается преступление, отрекается от Ромена Роллана, Золя и Виктора Гюго. Стейнбек знает это, и его ответ – попытка оправдаться, которая не убедит ни одного из почитателей «Гроздьев гнева»⁵.

Касательно обещания Стейнбека вывести американские войска из страны, когда Советский Союз перестанет поставлять оружие повстанцам, а Южный Вьетнам пойдет на переговоры, журналист язвительно замечает:

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Андре Вюрмсер (André Wurmser, 1899–1984) — французский писатель, журналист, критик. Член французской коммунистической партии с 1934 г. С 1954 г. — член редакции газеты “L’Humanité”. С 1935 г. был членом исполнительного комитета Ассоциации друзей Советского Союза и главным редактором ее журнала “Russie d’aujourd’hui” («Россия сегодня»), его очерки и статьи с конца 1950-х часто появлялись в советских газетах; после его поездки в Советский Союз, в СССР была издана его книга «СССР с открытым сердцем» (“L’URSS à coeur ouvert”, 1960, совместно с Л. Мамаком; рус. пер. 1961).

⁵ И вот Стейнбек нарушил молчание. С. 4.

Спрашивается, с каких это пор грабители, проникшие в чужой дом с помощью взлома, требуют, чтобы пострадавший вел с ними «переговоры со всей искренностью»?¹

В заключение, Вюрмсер выносит приговор политике, проводимой во Вьетнаме правительством США:

Плохо скрываемая истина заключается в том, что Соединенные Штаты, затеявшие военную интервенцию, которая их бесчестит, считают себя достаточно сильными, чтобы предписывать развязанной ими войне именно то завершение, которое им угодно: вы-де, мол, согласитесь с нашими условиями или мы вас уничтожим, да еще мы обвиним вас в половине наших преступлений, и, кроме того, мы обвиним тех, кто будет помогать вам защищаться, что они убивали наших детей...²

Наконец, рядом со статьей на странице «Литературной газеты» была помещена фотография вьетнамской женщины с обезображенным ребенком на руках, после которой следует набранная курсивом подпись:

Вот они, страшные следы американских бомбардировок во Вьетнаме: женщина с тяжелораненым ребенком на руках в южновьетнамской деревне. Эту фотографию публикует американский журнал «Лайф». Странно, что писатель Стейнбек не видел этот и ему подобные многочисленные снимки, которые изо дня в день появляются в журналах и газетах его страны.³

Таким образом, по совокупности всех составляющих по прочтении данной заметки «Литературной газеты» у советских читателей складывался новый образ Стейнбека как непоследовательного писателя, предавшего в угоду руководящей политике Белого дома свои гуманистические идеалы времен «Гроздьев гнева» и цинично закрывающего глаза на судьбу беспомощных вьетнамских детей, ежесекундно находящихся под обстрелом американских войск.

При этом, разумеется, поскольку оригинал письма Стейнбека не был напечатан, в публикации «Литературной газеты» остались за скобками не только его политические аргументы, но и мягкий дружествен-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

ный тон писателя, его призыв смотреть на ситуацию не столь однозначно и не перекладывать полностью ответственность за происходящее на одну из сторон.

После данного инцидента имя Стейнбека надолго пропадает из советской печати. Оно появляется там только в начале 1967 г., после того как Стейнбек в декабре 1966 г. самолично приезжает в Сайгон и начинает публиковать в “Newsday” заметки о жизни американских солдат во Вьетнаме под названием «Письма к Алисии»¹.

«*Письма к Алисии*». Возникает вопрос, почему Стейнбек, чье творчество, как еще недавно подчеркивала советская критика, от первой до последней книги пропитано гуманизмом, настоящей любовью к человеку², в годы Вьетнамской войны сознательно выбрал и открыто отстаивал эту позицию – защитника официальной линии Белого дома, утверждавшей необходимость военной интервенции США во Вьетнам.

Существует ряд причин и жизненных обстоятельств писателя, которые в середине 1960-х гг., привели его к этой позиции³. Во-первых, необходимо назвать глубокую неприязнь американского писателя к коммунистическому строю и диктатуре советской власти, которая, по словам биографа Стейнбека Дж. Бенсона, окончательно оформилась после его последней поездки в СССР в 1963 г.:

Советский Союз с его чистками и лишением свободы в его сознании был куда ближе к нацистской Германии, чем к социалистической Швеции. Подобное восприятие не было новой его позицией, но оно росло в нем все силь-

¹ *Steinbeck J. Letters to Alicia // Newsday. 3 December 1966–20 May 1967.*

² Р.Д. Орлова и И.А. Левидова в своих статьях «Деньги против человечности» (Иностранная литература, 1962. № 3. С. 197–208) и «Послевоенные книги Джона Стейнбека» (Вопросы литературы, 1962. № 8. С. 122–142) сходятся во мнении об активном гуманизме и «борьбе за человеческое в человеке» как основной и ведущей теме всего творчества американского писателя, формального разного и неровного.

³ Важно отметить, что мнение писателя по вопросу участия США во вьетнамской кампании не было линейным и претерпевало изменения в течение 1965–1967 гг. По мнению Дж. Бенсона, точка зрения писателя на вьетнамскую войну в своем основании совершила полный круг: от сомнений в необходимости участия в этой войне американской стороны (лето 1965 г., письмо Стейнбека к Дж. Валенти) к безоговорочному принятию военного вторжения во Вьетнам, кульминацией которому стала работа Стейнбека военным корреспондентом в Сайгоне и публикация им «писем к Алисии» (лето 1966 г. — зима 1967 г.), и, наконец, возвращению к усиливающемуся скепсису в отношении этой войны (лето 1967 г., письмо Стейнбека к Э. Отис). (*Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 967, 1018.*)

нее, чем старше он становился, не потому что он делался все консервативней, но потому, что появлялось все больше информации о России сталинских времен, и он видел все меньше оправданий для совершавшихся репрессий. Но политика, связанная с этим доктринами и реабилитациями, была не столь важна для него – его больше заботило реальное человеческое поведение, которое могло помогать или вредить другим людям¹.

Однако вновь важно отметить, что эта ненависть Стейнбека к советскому строю не просто не противоречила, но органично вытекала из его личной приязни к советским людям, многих из которых он любил и уважал, вел с ними переписку на протяжении всей своей жизни. С точки зрения писателя, тоталитарная советская система губила и уродовала лучшее в людях, убивала стремление к творчеству и свободе, разрушала жизни, была источником постоянного страха и гнета. В качестве примера можно привести слова Стейнбека из одного из «писем к Алисии»:

Это неизменная практика коммунистов – работать очень медленно, потихоньку затягивать петлю, так что жертва верит, что это новый галстук. Затем, когда все готово, они нападают, мгновенно и безжалостно. Оппозиция полностью разбита, и бедные идеалисты, помогавшие им, разгребают эту кучу экскрементов. Этот процесс невозможно изменить².

Люди, боровшиеся против распространения этого «зла» на Востоке, ставившие под угрозу свою жизнь, представлялись Стейнбеку настоящими героями. По словам Дж. Бенсона,

в его глазах они демонстрировали тот тип рожденного в бедствиях благородства, который он видел в знакомых ему с юности людях, противостоявших Пыльному котлу³, банкам и насмешкам коренных калифорнийцев. Наши солдаты сражались за выживание других людей и за человеческое достоинство против враждебного окружения, против жестокого и совершенно бес-

¹ Ibid. P. 967.

² *Steinbeck J. Letters to Alicia // Newsday. 1967. May 6.*

³ Пыльный котел (англ. Dust Bowl) — серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады в 1930–1936 гг. Это явление, совпавшее по времени с Великой депрессией в США, вызвало большой отток населения из расположенных в прериях штатов. События этого времени были положены в основу романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» (1939).

пощадного врага, ограниченные в средствах ведения боя, без полной поддержки и понимания у себя на родине¹.

И в письме президенту Джонсону от 18 января 1967 г. Стейнбек считал нужным выделить в качестве своего главного впечатления во Вьетнаме исключительное достоинство американских солдат, участвующих в этой кампании:

Я был во Вьетнаме около шести недель и большую часть этого времени провел на полях сражений с нашими войсками всех подразделений так же, как с некоторыми из войск союзников. <...> В действительности я был свидетелем первой атаки операции Тейер II, хотя не писал об этом, поскольку операция еще не была закончена. Я думаю, что я знаю сейчас наших мужчин очень хорошо, поскольку я жил с ними и стрелял вместе с ними. Я знаю, мистер Президент, что у вас имеется множество ваших официальных источников информации. Но я хотел бы сказать вам свое совершенно личное мнение, что во Вьетнаме мы имеем лучших, отлично тренированных, самых интеллигентных и самых преданных солдат, которых я видел в какой бы то ни было армии, а я их видел много в свое время. Это лучшие люди, которых у нас когда-либо были².

Если Евтушенко в 1966 г. и много лет спустя видел американских патриотов в людях, выступающих против войны во Вьетнаме, считая, что «сущность истинного патриотизма в том, «чтобы открыто бороться против того, что пятнает честь нации», т.е. против «новых варварских налетов американской авиации на мирные города Вьетнама»³, и к этому же он призывал и Стейнбека, то для американского писателя молодые демонстранты, «мирники» (peaceniks) или «вьетники» (Vietnicks), как их называл в своих письмах Стейнбек, составляли, напротив, не честь, но позор нации, воплощая в себе все ее недостатки: эгоизм, избалованность, потакание своим личным желаниям и отсутствие чувства ответственности перед своей страной. Так в другом своем «письме к Алисии» Стейнбек сравнивает людей, воюющих во Вьетнаме и оставшихся в Америке:

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 969.

² Там же. P. 1008.

³ *Евтушенко Е.* Письмо Джону Стейнбеку: Стихи. С. 4.

В подлеске, тоньше которого я не видел, видны лица и в действительности только глаза. Пестрые каски и камуфляж теряются на общем фоне. Черные и белые лица от пота и грязи становятся универсально рыже-серыми. Только глаза остаются живыми и выразительными. И, когда мы устраиваемся и ротор замолкает, открываются рты и они снова мужчины и какие мужчины! Можете ли вы понять мимолетный отсвет гордости, которая возникает от одного осознания принадлежности к той же породе, что и они?

Я полагаю, что это нечто противоположное той дрожи стыда, который я иногда испытываю дома, когда вижу вьетников, грязные одежды, грязные умы, кислый запах отходов и их неприятных и бесплодных раздутых товарищей. Их ерзанье, медлительные протесты, в которых они призывают не убивать людей, весьма нелепы. Они-то сами в безопасности. Они сами ударить не смогут¹.

В этом описании видно, что Стейнбек по-прежнему стоит на позициях гуманизма, защиты человеческого в человеке и ненависти ко всему, что, по словам советского исследователя Стейнбека Р.Д. Орловой, «уродует человека»². Однако представления о том, что есть добро и зло для человека, что необходимо отстаивать и против чего бороться, у него и советских людей были прямо противоположными.

Кроме того, определенное влияние на позицию Стейнбека в этом вопросе оказывало личное общение и дружба писателя с президентом Джонсоном. Стейнбек во многом разделял мнение президента о событиях во Вьетнаме и о том, что является национальным долгом американцев как защитников демократических принципов во всем мире, а также считал нужным поддерживать его при принятии важных политических решений, несмотря на их критику со стороны общественности. Л.Д. Джонсон в свою очередь не скрывал своей признательности писателю и, например, после прочтения открытого письма Евтушенко президент написал Стейнбеку 12 июля 1966 г.:

Ваши слова сказали то, что я сам пытался сказать, и вы сказали это убедительно и тепло – почему наше дело правое и почему мы должны сражаться, и как мир сможет войти в эту маленькую страну, если агрессор просто от-

¹ *Steinbeck J.* Letters to Alicia: “I wish I could tell you” // *Newsday*. 1967. January 7. P. 2W.

² *Орлова Р.Д.* Деньги против человечности. С. 208.

правится домой. Как обычно, Джон, вы проникли в самую суть дела и это то, что по-настоящему ценно¹.

Немаловажным было и непосредственно личное отношение Стейнбека к этой войне, которая затрагивала весьма уязвимую часть его натуры: оба сына Стейнбека проходили военную службу, причем младший – Джон IV Стейнбек служил непосредственно во Вьетнаме. Поэтому строки Стейнбека о советских орудиях, которыми убивают «американских сыновей», могут быть не очень сильным аргументом с политической, рациональной точки зрения, но выдают личную боль и переживания писателя.

Обозначенные выше причины привели к тому, что, по словам исследователя творчества Стейнбека Т. Хаяши, «поддержка президента Джонсона и его политики американизации войны во Вьетнаме стали для Стейнбека личным, моральным и политическим долгом»².

Наконец, важно отметить, что вьетнамская кампания совпала по времени с очень сложным периодом в жизни писателя, связанным с резким ухудшением здоровья и потерей близких людей (многолетнего издателя и друга Паскаля Ковичи, сестры Мэри, друга и единомышленника Адлая Стивенсона). На это накладывались трудности Стейнбека в творческой сфере, вызванные, не в последнюю очередь, неприятием американской критикой последнего романа писателя «Зима тревоги нашей». Поездка во Вьетнам в качестве военного корреспондента была для Стейнбека возможностью не только вспомнить события двадцатилетней давности, свое участие в боевых действиях в Европе во времена Второй мировой войны, но и писать, высказывать свое мнение о событиях этой кампании, имеющей историческое значение для него и всей страны.

Кроме того, сам формат работы Стейнбека – необходимость писать статьи для периодического издания о том, что происходит в его окружении здесь и сейчас – не позволял автору особенно углубляться в материал, подвергать его рефлексии, поскольку не предполагал наличия времени на его осмысление с разных сторон (этого времени у Стейнбека не будет и после его возвращения на родину, сопровождавшегося быстрым ухудшением его состояния и скорой кончиной). Отсюда же повышен-

¹ *Benson J.J.* The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 994.

² *Hayashi T.* John Steinbeck and the Vietnam War. Muncie, IN: Steinbeck Research Institute, Ball State University, 1986. P. 12. (Steinbeck Monograph Series. Vol.12.)

ное внимание писателя к людям, к различным видам вооружения, зачастую приводившее к желанию опробовать их самолично, и восхищение людьми: солдатами, летчиками, снайперами – профессионалами своего дела, что внешне сильно расходилось с гуманистическими установками Стейнбека (и что сделала основным предметом обсуждения зарубежная левая и советская пресса в 1967 г.).

Несмотря на то, что либеральная американская критика¹, в отличие от советской, не была столь категорична в своей оценке происходящего, во вьетнамских письмах Стейнбека она также вычитывала в первую очередь воинствующий пафос его заметок, оправдание политики Белого дома, ведущего эту войну, и осуждение приверженцев антивоенного движения – «мирников». Исследователи М.Р. Глэдстейн и Дж. Х. Мередит в работе «Джон Стейнбек и трагедия Вьетнамской войны» отмечают, что, будучи другом и единомышленником президента Джонсона и патриотом Америки, верящим в демократию, Стейнбек в своих «письмах к Алисии» демонстрировал на публике непоколебимую веру в правильность выбранного курса, отвращение к коммунизму и необходимость продолжения войны, что закрепило за ним в американской среде определение “hawkish” – ястребиный, воинствующий. Сомнения в нравственной оправданности этой войны, чувство справедливости и сочувствия угнетенным, его любовь к Америке стали предметом его внутренних личных переживаний, изложенных в письмах, адресованных друзьям и близким².

Кроме того, Дж. Бенсон отмечает:

...за исключением атак коммунистических изданий из-за границы, в его собственной стране последовало очень мало реакции во время печати этих писем и даже после. Позднейшие отзывы были по большей части беглыми отсылками к его «провоенной позиции во Вьетнаме» или «ястребиным» взглядам на войну (как, например, в некрологах), а его дружба с Джонсоном стала рассматриваться в качестве предмета насмешки или сожаления, но вновь – очень поверхностно, бегло. Настоящая же горечь, которую породили его отчеты о войне на родине писателя, казалось, чаще всего выражалась лично, иногда друзьями Стейнбека, но гораздо чаще его знакомыми³.

¹ См. напр.: Steinbeck Loses Bet // New York Times. 1967. January 12. P. 2; Steinbeck Up Front // Newsweek. 1967. January 30. P. 71.

² Gladstein M.R., Meredith J.H. John Steinbeck and the Tragedy of the Vietnam War // Steinbeck Review. 2011. Vol. 8. Issue 1. P. 54.

³ Benson J.J. The True Adventures of John Steinbeck, Writer. P. 1009.

Таким образом, следом за американскими исследователями писателя (Джексон Дж. Бенсон, Тетсумаро Хаяши, Мими Р. Глэдстейн и Джеймс Х. Мередит) можно заключить, что позиция Стейнбека в отношении вьетнамской войны была нелинейной, развивающейся на всем протяжении этого конфликта: от попытки обоснования присутствия американских войск во Вьетнаме (как, например, в письме, адресованном Евтушенко), сменившейся его деятельностью в качестве военного корреспондента, находящегося по одну сторону фронта с американскими солдатами, до переосмысления войны в последний год жизни писателя, после получения писем от сына, участвующего в боевых действиях, и начала непосредственной рефлексии над увиденным (см. письмо Стейнбека Э. Отис 31 августа 1967 г.¹). Тем не менее, убеждение Стейнбека в 1966–1967 гг. о необходимости ведения войны во Вьетнаме не только не противоречило его гуманистическим убеждениям, но, напротив, вытекало из них, и в этом отношении было не анти-тезой, предательством идей его романа «Гроздьев гнева» (как о том писалось в советской прессе), но их логичным продолжением.

Стоит отметить, что политические и идеологические разногласия двух писателей – Джона Стейнбека и Евгения Евтушенко не сумели пробить брешь в их личных дружеских отношениях, о чем советский поэт пишет в статье «Выдержанное вино из “Гроздьев гнева”» (2002). В ней он сообщает, что спустя несколько месяцев после обмена письмами в «Литературной газете» и “Newsday” в ноябре 1966 г., когда поэт прибыл в США для выступления на поэтических вечерах в различных городах страны, перед его дебютом в Куинс-колледже два писателя связались друг с другом по телефону. Евтушенко спросил Стейнбека, не обидело ли его летом стихотворение, на что последовал ответ:

– Нет... – ответил он. – Задело, но не обидело. Знаешь, по-моему, в этой истории мы оба не правы – и ты и я. И знаешь в чем? В таких случаях нельзя принимать ничью сторону, потому что обе стороны в чем-то виноваты. Жаль, что я это понял с опозданием. Ты это тоже когда-нибудь поймешь².

По словам Евтушенко, в начале вечера он, во время его представления публике, отыскал глазами Стейнбека, подошел, обнял его и поцеловал руку его жене. После в американской прессе это было представ-

¹ Steinbeck: A Life in Letters. P. 847–849.

² *Евтушенко Е.* Выдержанное вино из «Гроздьев гнева». С. 53.

лено как то, что советский поэт изменил своей антивоенной позиции и просил у Стейнбека прощения за свое стихотворение, что, разумеется, вновь не соответствовало истине. Стейнбек сам написал опровержение в газету, но прежде позвонил Евтушенко. В своей статье поэт приводит слова Стейнбека:

– Eujenio, que cabrones ellos son – estos periodistos¹... – прорычал он по-испански. – Они хотели бы всех нас посорить насмерть, потому что не умеют любить и завидуют всем, кто любит друг друга. Не обращай внимания на эту провокацию. Я сам написал им ответ. Завтра прочтешь. <...> Pero recuerda. Eujenio – quando escribes prosa, hay que usar sobre la silla el culo completo... claro, que juntos con el corazon². Мы тебя ждем с женой в следующий четверг – это твой свободный день. Я хочу тебе прокрутить мой старый фильм «Вива Сапата!» <...> Не забывай ключ из «Книги Джунглей» «Мы одной крови – ты и я...»

Я не забыл этого ключа, Джон³.

Советская пресса о смерти писателя (1967–1968). По словам Дж. Бенсона, произошедшая история сильнейшим образом сказалась на уже ослабленном здоровье писателя, в последние годы перенесшего два сердечных приступа. Позднее Стейнбек писал другу Карлтону А. Шеффилду: «Не понимаю, как я впутался в эту дискусию. Ведь я знаю ничуть не больше, чем все те, кто совершает эти ошибки»⁴.

С 1967 г. в СССР начался очередной виток травли Стейнбека в советской прессе. Писатели и журналисты, знавшие Стейнбека по его нескольким приездам в страну, посвящавшие ему хвалебные отзывы несколько лет тому назад, после ознакомления с его «Письмами к Алисии» мгновенно отреклись от автора «Гроздьев гнева».

В СССР «Письма к Алисии» упоминались и приводились либо в пересказе, либо фрагментарно – в контексте авторских статей, обличавших «перо, отданное Пентагону»⁵, «замаравшее себя в грязи не-

¹ «Какие козлы эти самые «журналисты» (прим. Е.А. Евтушенко). (Там же).

² «Но помни, Eujenio, — когда пишешь прозу, все-таки нужно сидеть на стуле не частью задницы, а полностью... Желательно вместе с душой» (прим. Е.А. Евтушенко). (Там же).

³ Там же.

⁴ Steinbeck: A Life in Letters. P. 852.

⁵ Название получившей широкую известность статьи «Известий». (Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону // Известия. 1967. 9 января. С. 5).

справедливой войны»¹. В этот момент на нобелевского лауреата вновь вылились потоки грязи и обвинений в чрезмерной гордыне, тщеславии, жестокосердии, человеконенавистничестве; были даже сравнения с соратниками Гитлера. Например, датский писатель-коммунист Ханс Шерфиг в своей заметке, опубликованной в «Литературной газете», пишет:

Известно: ни один сколько-нибудь значительный немецкий писатель в годы гитлеровской войны не опускался так низко. Не нашлось ни одного выдающегося немецкого литератора, который бы защищал зверства нацистов. Томас Манн занимал совершенно иную позицию, чем Джон Стейнбек².

Статья С. Кондрашова «Перо, отданное Пентагону» фактически представляет собой пасквиль на материалы в “Newsday”, призванный вызвать отторжение у советских читателей:

Кто же автор сих творений, уподобляющий убийц в чужом небе виолончелистам и гордый оттого, что принадлежит к «тем же особям». Имя его Джон Стейнбек. Нет, не однофамилец. Тот самый. 64 лет от роду знаменитый писатель добровольно отправился в Южный Вьетнам, чтобы поставить свое перо и свою репутацию на службу грязной войне. Желанный гость генерала Уэстморленда, он не просто пишет. Стейнбек еще и стреляет. В канун нового года ему позволили пальнуть из 105-миллиметровой гаубицы в расположение партизан под Сайгоном. Он счел это за «большую честь». «Это был гордый момент», – писал он Алисии³.

Украинский писатель Натан Рыбак, с которым Стейнбек дважды встречался в СССР, в своей статье заявил следующее:

Несколько лет назад во время пребывания в Киеве Джон Стейнбек подарил мне книгу с теплым автографом. Теперь я перечитываю слова, написанные его рукой, и содрогаюсь от сознания, что эта же рука выводила недавно строки, оправдывающие американскую напалмовую чуму на вьетнамской земле. Совместимо ли это с пониманием писателем своей ответственности перед человечеством?⁴

¹ Там же.

² Шерфиг Х. 100 строк зарубежного публициста: непредумышленное убийство // Литературная газета. 1967. 11 января. С. 9.

³ Кондрашов С. Перо, отданное Пентагону. С. 5.

⁴ Рыбак Н. Мы в ответе за будущее человечества // Литературная газета. 1967. 7 июня. С. 1.

В целом, на репутации Стейнбека в СССР до конца жизни писателя и еще долго после его смерти стояло клеймо «изменника», предавшего свои гуманистические идеалы времен «Гроздьев гнева». Так, спустя год после смерти писателя А.Б. Чаковский¹ во время публичного выступления на Объединенном пленуме правлений творческих союзов СССР в декабре 1969 г. скажет о нем:

Этот человек в глазах прогрессивных людей мира умер задолго до своей физической смерти, он умер как художник и гражданин, когда полетел на военном самолете во Вьетнам и с удовольствием наблюдал, как летчик бьет пулеметными очередями по мирному населению Вьетнама².

Смерти писателя в СССР была посвящена небольшая заметка в «Литературной газете», написанная Я.Н. Засурским. Свой некролог советский автор со следующего определения: «20 декабря в возрасте шестидесяти шести лет скончался Джон Стейнбек – один из крупнейших и в то же время самых противоречивых американских писателей XX века»³.

Кратко отметив крупные достижения писателя – романы «Гроздьев гнева» (о нем автор статьи сказал, что «никогда больше после этого Стейнбек не достигал такой глубины и силы реалистического искусства»⁴), «Зима тревоги нашей», упомянув присуждение ему Нобелевской премии, Засурский перешел к последним событиям жизни писателя:

К сожалению, Джон Стейнбек далеко не всегда оказывался на высоте ответственности перед человечеством. Его выступления в поддержку агрессии США во Вьетнаме не только перечеркнули его гражданскую репутацию, оттолкнули от него читателей, но и губительно отразились на его литературном таланте. В последние годы он не создал сколько-нибудь значительных произведений⁵.

Вердикт, вынесенный американскому классику советским критиком, а вместе с ним и всей советской литературной общественностью, был следующим:

¹ Чаковский Александр Борисович — советский писатель, журналист, главный редактор журнала «Иностранная литература» (1955–1963), «Литературной газеты» (1962–1988). Неоднократно встречался со Стейнбеком во время его приезда в СССР в 1963 г.

² Выступление Александра Чаковского // Литературная газета. 1969. 17 декабря. С. 4.

³ Засурский Я. Умер Стейнбек // Литературная газета. 1968. 25 декабря. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Джон Стейнбек останется в истории американской литературы как художник большого масштаба, и вместе с тем как человек, который в напряженный момент борьбы очутился по ту сторону баррикады, попытавшись защитить неправое дело¹.

Возвращение Стейнбека к советскому читателю состоялось спустя почти двадцать лет после смерти писателя – на рубеже 1970–1980-х гг. Тогда один за другим стали выходить переиздания его книг: «Квартал Тортилья-Флэт» и «Жемчужина» (1977), избранные произведения в двух томах (1981, 1988), сборник писем Стейнбека «Посмотрим правде в глаза» (1985), «Гроздь гнева» и «Зима тревоги нашей», (1987, 1988), шеститомное собрание сочинений (1989) и «Русский дневник» (1989).

В XXI веке в России были опубликованы остальные художественные произведения Стейнбека: «Неведомому Богу» (2000), «Короткое правление Пипина IV» (2004), а также его последний неоконченный роман – «Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола» (2010).

Литература

- Мендельсон М.О. Современный американский роман. М.: Наука, 1964.
Федоров А.А. Джон Стейнбек. М.: Высшая школа, 1965.

References

- Benson J.J. "Through a Political Glass, Darkly: The Example of John Steinbeck." *Studies in American Fiction* 12:1 (Spring 1984): 45-59.
- Benson J.J. *The True Adventures of John Steinbeck, Writer: A Biography*. New York: Viking, 1984.
- Bridges P. "A Note on Steinbeck's 1963 Visit to the Soviet Union." *Steinbeck Review* 4: 1 (Spring 2007): 81–93.
- Fedorov A.A. *John Steinbeck*. Moscow: Vysshaja shkola publ., 1965. (In Russ.)
- Hayashi T. *John Steinbeck and the Vietnam War*. Muncie, IN: Steinbeck Research Institute, Ball State University, 1986. (Steinbeck Monograph Series, vol.12).
- Gladstein M.R., Meredith J.H. "John Steinbeck and the Tragedy of the Vietnam War." *Steinbeck Review* 8: 1 (2011): 39–56.
- Mendel'son M.O. *Sovremennyj amerikanskij roman*. [Contemporary American Novel]. Moscow: NaukaPubl., 1964:269–348. (In Russ.)
- Steinbeck: A Life in Letters*, eds E. Steinbeck, R. Wallsten. New York: Viking, 1975.

¹ Там же.